
Часть I

СЛУЖЕНИЕ БОГУ, ЦАРЮ И ОТЕЧЕСТВУ

Глава 1

СЫН КАЗАКА-ХОРУНЖЕГО С ГОРЬКОЙ ЛИНИИ СИБИРИ. ПУТЬ В ОФИЦЕРЫ

Родословная военного вождя-зачинателя Белого движения в России генерала Лавра Георгиевича Корнилова не имеет ничего общего с контрреволюционной «классовой сословностью». Он, как говорили раньше, «вышел из трудового народа».

Родился Лавр Корнилов в семье отставного хорунжего станицы Каркаралинской (ныне город Каркаралинск Карагандинской области Казахстана) Сибирского казачьего войска 18 августа 1870 года в небольшом городке Усть-Каменогорске Семипалатинской области, расположенной в степных отрогах Алтайских гор (в современном Казахстане).

Однако историки называют и другое место его рождения. В «Полном послужном списке подпоручика туркестанской артиллерийской бригады Корнилова Лавра Егоровича», составленном в августе 1882 года, указано, что он родился тоже 18 августа 1870 года, также в станице Каркаралинской, но был сыном коллежского секретаря, уроженца Семипалатинской области, и казашки.

Его отец — Егор Корнилов был простым казаком с Горькой линии. Так в XVIII столетии называлась линия степных поселений сибирского казачества, построенных со времен Петра I по всему течению реки Иртыш. Начиналась тогдашняя граница России — Горькая линия — на северо-востоке Киргизской (Казахской) степи с места впадения иртышских вод в Обь и кончалась озером Зайсан возле самой границы с китайским Туркестаном.

Глава многодетной корниловской семьи прослужил, охраняя Горькую линию, как надежный пограничный стражник, четверть века. Служил примерно и достойно, не раз отличаясь в делах против степных разбойников, занимавшихся «барантой», и вооруженных контрабандистов. Благодаря «бесспорности» воинской службы и своей грамотности (это обстоятельство играло тогда немалую роль) к концу своей строевой службы урядник Егор Корнилов сумел получить первый офицерский чин в казачьих войсках — хорунжего.

Следует заметить, что большинство обер-офицеров казачьих войск комплектовалось из урядников по выслуге лет. При этом путь к званию хорунжего для детей рядовых казаков составлял не менее 12 лет строевой службы. Все казачьи урядники производились в первый офицерский чин только по вакансии, по удостоению войскового начальства, но без экзамена. Естественно, неграмотные не могли быть произведены в офицеры.

Отслужив «честь по чести» положенный срок и выйдя в отставку, Корнилов-старший с семьей поселился в степном городке Каркаралинске. Там он устроился на гражданскую службу — писарем волостной управы. Выше десятого класса по табели о рангах государственных чиновников отставной казачий хорунжий подняться не сумел. К концу жизни он получил лишь чин коллежского секретаря волостной управы в Семипалатин-

ской области и состоятельным человеком, разумеется, быть просто не мог.

Мать Лавра Георгиевича была простой казашкой из кочевого рода, обитавшего на левобережье Иртыша по Горькой линии. Есть и другие сведения о ней. Так, считается, что она была казачкой Кокпектинской станицы. Или происходила из богатого рода, старейшины которого признали ее мужа только после того, как Егор Корнилов получил офицерские погоны. В семье Корниловых, помимо Лавра, было еще двое детей: сын Петр и дочь Анна. Известно, что мать часто брала старшего сына Лавра при поездках в родной аул, в родительский дом. Поэтому он знал казахский язык еще с детства.

Сильная кровь степных предков по матери сказалась на внешнем облике Корнилова характерными скулами и узким разрезом глаз. Восточный тип всегда загорелого лица внешне заметно выделял Лавра Георгиевича и в среде генералитета Российской императорской армии.

В первой книге о военном вожде Белого движения, изданной в Советском Союзе (Мартынов Е.И. «Корнилов. Попытка военного переворота». Москва. Штаб РККА, научно-уставной отдел, 1927 г.) о родословной Лавра Георгиевича и его раннем детстве рассказывается, естественно, с предвзятостью так:

«Что же представлял собой Корнилов, на которого буржуазия возлагала столько надежд?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо исправить и дополнить его биографию, искаженную беззастенчивой рекламой.

Корнилов родился 18 августа 1870 года в глуши Сибири.

В пятой графе его послужного списка сказано:

«Из какого звания происходит? — Сын коллежского секретаря».

«Какой губернии уроженец? — Уроженец Семипалатинской области».

Как известно, на эту графу при старом режиме обращали особое внимание, и она всегда заполнялась на основании метрического свидетельства или какого-нибудь другого бесспорного документа. Следовательно, Корнилов был сыном мелкого чиновника, а совсем не сыном казака-крестьянина, каким

стал показывать себя впоследствии в своих воззваниях к народу и армии, каким выставляли его после гибели, называя «выходцем из буржуазии». Конечно, возможно, что его отец выслужился из простых казаков, но это уже не относится к разбираемому вопросу.

В Корнилове несомненно текла кровь сибирских инородцев, так как он отличался ярко выраженными чертами монгольского типа, делавшими его похожим на бурята. Детство Корнилова протекало на его родине — в Семипалатинской области, которая в то время была сплошь заселена киргизами-кочевниками...»

О простонародном происхождении белого генерала Корнилова лучше всего свидетельствует отчество — Егорович. В дворянских и состоятельных семьях старой России такое имя (Егор) было большой редкостью, не говоря уже об аристократических родах. Он и начинал свою офицерскую карьеру не как Лавр Георгиевич, а Лавр Егорович.

Отчество ему было изменено в силу следующих обстоятельств. Гораздо позднее, когда начался быстрый рост Корнилова по служебной лестнице, в «Послужном списке» офицера появилась более благозвучная «переиначка» отчества на «Георгиевича». Такое в то время вполне допускалось и чем-то необычным не считалось. Сам Лавр Георгиевич такому изменению в своем «написании», как известно, не воспротивился: он принял перемену отчества как должное.

Семья Корниловых была многодетной, и мальчику пришлось с детства познать нелегкий крестьянский труд, помогать родителям по дому. Любознательный казачонок с интересом посещал местную двухлетнюю церковно-приходскую школу. Но больше всего сын отставного хорунжего любил заниматься сам. В царской России в домах грамотных людей из низов книги не являлись редкостью.

Тяга к книжным знаниям сохранилась у Лавра Георгиевича на всю оставшуюся жизнь. Известно, что в самом раннем детстве, едва научившись читать, он познакомился с пушкинской «Полтавой», лермонтовским «Бородино», рылеевским «Иваном Сусаниным».

Корнилов-старший по своему положению не мог устроитьмышленому сыну какую-либо протекцию. Но он сумел с боль-

шим трудом определить подросшего Лавра в Омский кадетский корпус. Учебные заведения подобного рода давали в то время хорошую общеобразовательную подготовку и, что самое главное, готовили юношей к поступлению в военные училища. А это давало возможность стать профессиональным военным.

В Омский кадетский корпус принимали, как правило, детей тех родителей, судьба которых была связана с Сибирью (в которую тогда входил и Дальний Восток) и Туркестаном. Может быть поэтому у местных кадетов кумирами были два человека, две выдающиеся в отечественной истории личности. Первым из них, естественно, являлся «белый генерал» М.Д. Скобелев, которого еще при жизни прочили «в Суворовы».

Вторым кумиром был земляк Лавра Корнилова воспитанник корпуса Чокан Валиханов, внук всеильного в Киргизской (Казахской) степи хана Аблая. Став офицером русской армии, он прославился дерзкими разведывательными экспедициями в Кашгар, в китайскую провинцию Няньюлу. Будучи причислен к корпусу офицеров Генерального штаба, Валиханов становится близким человеком известного отечественного путешественника-географа Семенова-Тян-Шанского.

Кадет Лавр Корнилов рано понял: если хочешь чего-нибудь добиться в будущей жизни, то надо быть первым, надо быть лучшим в учебе.

Годы учебы пролетели незаметно. Омский кадетский корпус (1-й Сибирский императора Александра I), который вел свое «старшинство» с 1813 года, потомственный сибирский казак закончил с наивысшим баллом. Теперь у него не было препятствий на пути к заветным офицерским эполетам. Более того, отличная учеба давала Корнилову-младшему право выбора военного училища.

В корпусе ожидали, что выходец из Киргизской степи, любивший лошадей и умевший обращаться с ними, выберет кавалерийское училище — столичное Николаевское или Тверское. Мог он пойти учиться и в казачьи военные училища — Новочеркасское или Оренбургское. Однако выбор кадета-отличника, к немалому удивлению преподавателей, однокашников и отца, пал на престижное Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. Родители благословили сына,

и он отправился из степного Каркаралинска в далекий город на берегах Невы. В августе 1889 года Лавр Корнилов надевает алые юнкерские погоны.

Михайловское училище гордилось своей историей. Оно вело свою родословную с 25 ноября 1820 года, когда при столичной учебной артиллерийской бригаде было открыто Артиллерийское училище. Оно было рассчитано на 120 штатных и 28 сверхштатных учащихся и предусматривало 5-летний срок обучения. В училище тогда принимали только детей потомственных дворян в возрасте 14—18 лет (смотря по тому, в какой класс поступал абитуриент) после строгих экзаменов.

Из училища его питомцев выпускали по четырем разрядам. Окончившие по 1-му разряду производились в прапорщики и переводились в офицерские классы училища. По 2-му разряду... производились в прапорщики и направлялись в армейские войска. По 3-му разряду — оставались в училище еще на один год доучиваться. А выпускники 4-го разряда направлялись в армию юнкерами и должны были прослужить до производства в первый офицерский чин не менее двух лет.

Свое окончательное название — Михайловское артиллерийское — училище получило 19 сентября 1849 года при императоре Николае I. За первые 35 лет училище выпустило всего 375 офицеров. Затем штаты его заметно расширились, и оно стало более демократичным по составу своих воспитанников.

Михайловское училище обеспечивало только треть открывавшихся офицерских вакансий в артиллерийских частях полевой армии и крепостной артиллерии. Поэтому в 1894 году в столице появилось еще одно артиллерийское училище — Константиновское. А вслед за ним, но уже в начале Первой мировой войны, были созданы Сергиевское в Одессе и Николаевское в Киеве. Одесское училище сделало свой первый выпуск в 1915 году, Киевское — в следующем году.

Традиционно социальный состав артиллерийских училищ был более аристократичен, чем общевоинских, хотя при этом с 1859 года никаких социальных ограничений для поступления в артиллерийские училища не существовало. Основную массу их учеников составляли выпускники военных гимназий и кадетских корпусов, в большинстве своем дворянские дети,

имевшие склонность к точным наукам, такие, как Лавр Корнилов, с отличием окончивший Омский кадетский корпус.

Например, достаточно привести социальный состав училища за 1876 год. Из 163 юнкеров-михайловцев 127 были детьми потомственных дворян, 29 — детьми дворян, офицеров и чиновников (в их числе был Корнилов), два были из семей священников, один — сыном почетного гражданина, один купеческим сыном и три — «из прочих сословий».

Учебный план Михайловского артиллерийского училища предусматривал изучение Закона Божьего и иностранных языков, истории и военного законовещения, алгебры и аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления, механики и физики, химии и артиллерийского дела, общей тактики и тактики артиллерии, артиллерийского черчения и артиллерийской администрации, фортификации и топографии.

Уже одно перечисление этих учебных дисциплин свидетельствует о том, насколько серьезной была подготовка будущих офицеров в Михайловском артиллерийском училище. Организация учебного процесса отличалась тем, что поблажек юнкерам не давалось и требования к уровню их знаний всегда были высокими.

Учеба в Михайловском артиллерийском училище при всей ее многосложности давалась юнкеру Лавру Корнилову легко. Сказывались природная сообразительность, тяга к знаниям, начитанность и хорошая кадетская подготовка.

Через годы учебы в 1-м Сибирском кадетском корпусе в Омске и столичном Михайловском артиллерийском училище Лавр Корнилов пронес отцовский подарок. Это было известное в свое время «Собрание писем старого офицера своему сыну». Книга бережно хранилась в отцовской библиотеке и не раз перечитывалась маленьким Лавром, еще до поступления его в Омский кадетский корпус. На титульном листе отставной хорунжий Сибирского казачьего войска четко подписал напутственные слова сыну, выходящему в офицеры: «Кому деньги дороже чести — тот отставь службу. Петр Великий».

Корнилов закончил Михайловское военное училище в 1892 году, успешно пройдя курс 4-летнего обучения. Он попал под

высочайший императорский указ 1885 года. Согласно этому указу все выпускники военно-учебных заведений должны были начинать службу с первого офицерского звания — подпоручика в пехоте, артиллерии и инженерных войсках, корнета — в кавалерии.

При этом все различия по качеству полученного образования сводились к преимуществам, связанным с определением разных сроков старшинства в этом чине (от чего зависел срок производства в следующие чины). Правила на этот счет для выпускников Михайловского артиллерийского училища были следующими. Его воспитанники получали два года старшинства, тогда как выпускники общевойсковых училищ, имевшие склонность к артиллерийскому делу и по личному желанию выпускавшиеся служить в артиллерии гвардии, армии и крепостей, имели только один год старшинства.

По тому, с какими успехами юнкер Лавр Корнилов закончил учебу, он мог вполне реально рассчитывать на службу в артиллерии гвардии. Однако молодой, перспективный офицер в погонах подпоручика отказался от производства в гвардию и выразил твердое желание служить в родных местах, то есть в далекой провинции, какой являлся в ту эпоху Туркестан, всего лишь несколько десятилетий назад вошедший в состав Российской империи. И он получил назначение в Туркестанскую артиллерийскую бригаду.

Однако есть и другая версия того, как начинающий офицерскую карьеру Корнилов оказался в Туркестанском крае. На последнем курсе у него случился какой-то конфликт с училищным начальством, из-за которого он получил пониженную отметку за «дурное поведение». Однако, думается, вряд ли юнкер-отличник Лавр Корнилов отличался в стенах Михайловского артиллерийского училища личной недисциплинированностью. Скорее, все было совсем наоборот.

Для многих офицеров, направляемых служить в Туркестанский военный округ, пребывание там было равносильно пребыванию в тупике служебной карьеры. Воинские части там были чаще всего кадрированными, гарнизоны располагались в среднеазиатских городах, далеких от европейской цивилизации. К этому еще следует добавить сложнейшие климатические условия и «инородность» местного населения.

Время, когда русские офицеры рвались служить в Туркестанский край, уже миновало. Генерал Кауфман наконец-то сумел победно завершить последний Хивинский поход. Прорвавшись сквозь знойные пески, он нанес полное поражение местному хану и освободил большое число «белых» рабов, захваченных хивинцами во время разбойных набегов на Оренбургскую пограничную линию.

Хивицкое ханство признало себя вассалом России, что было сродни знатной победе русского оружия на поле брани. Так же как и Бухарский эмират и Кокандское ханство. Правда, последнее, постоянно потрясаемое внутренними кровавыми распрями, в скором времени было ликвидировано как государственное образование.

Герой освобождения Болгарии от османского ига «белый генерал» М.Д. Скобелев успешно провел Ахалтекинскую экспедицию. Она закончилась штурмом огромной глинобитной крепости Геок-Тепе, в которой защищалось туркменское племя текинцев, и присоединением к России южной части современной Туркмении.

Давно отгремели бои с афганцами под Кушкой и на Памире. Китайским войскам, попытавшимся было строить на землях киргизов свои крепости, пришлось уйти обратно в Кашгарию. Государственная граница на азиатском Юге приобрела свою законченную конфигурацию, и теперь встала задача ее охраны и защиты.

Российская империя присоединяла к себе Туркестанский край едва ли не целое столетие. Присоединяла заступничеством и взятием киргизских (казахских) родов, других народов под свою державную руку. С воинственными ханствами разговор был иной: их обычно покоряли силой оружия.

Туркестан превратился для русского офицерства в военный округ не первого разряда. Он не граничил на то время ни с одним государством, откуда России могла исходить реальная военная угроза. И поэтому перевод туда для продолжения или начала армейской службы радужных перспектив не сулил. Но в случае с подпоручиком-михайловцем Лавром Корниловым все складывалось иначе.

Он был казаком, сыном казахских степей. Туркестан, Средняя Азия и вообще Восток были его личным пристра-

стием не только потому, что он здесь родился и прекрасно изъяснялся на нескольких туркестанских языках. Молодой офицер видел в здешних краях самое благодатное для него поприще в деле служения государству Российскому. Служению, как говорилось в воинской присяге, Богу, царю и Отечеству.

Корнилов не ошибся в жизненном выборе. Именно Туркестан стал для него прекрасным трамплином для успешности всей дальнейшей офицерской жизни. Позднее он не раз скажет: «Служба в Туркестане — это годы моей командирской закалки». Впрочем, следует заметить, что через службу в Туркестанском крае прошли многие известные военачальники русской армии, отличившиеся в Первой мировой войне и сражавшиеся затем на стороне Белого движения.

Глава 2

ТУРКЕСТАН. РАЗВЕДЧИК РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Тяготы туркестанской армейской службы Лавра Корнилова не пугали. Он примерно исполнял обязанности младшего артиллерийского офицера, нес бригадные наряды, отличался на учениях в пустынях и горах. И одновременно, как мог, пополнял свои знания, шлифуя те восточные языки, которые он знал с детства, и те, которые хотел изучить в многонациональном Туркестанском крае. Лингвистические способности его были несомненны. Среди первых языков, которые освоил тогда Лавр Георгиевич, был туркменский.

Очередное звание поручика Корнилов получил без всяких задержек. Он подтвердил свое право на обладание третьей звездой тремя годами «примерной» туркестанской армейской службы и добился права поступления в Николаевскую академию Генерального штаба, успешно сдав вступительные экзамены.

Один из сподвижников Лавра Георгиевича по «корниловскому мятежу» и Белому движению, сменивший его на посту командующего Добровольческой армии, генерал-лейтенант А.И. Деникин в своих мемуарах «Путь русского офицера» вспоминал о том, что приходилось выдерживать желающим получить академическое образование:

«Мытарства поступающих в академию начинались с проверочных экзаменов при окружных штабах. Просеивание... выразилось такими приблизительно цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров; на экзамен в академию допускалось 400—500; поступало 140—150; на третий курс (последний) переходило 100; из них причислялось к Генеральному штабу 50 офицеров, то есть после отсеивания оставалось всего 3,3 процента. Выдержав благополучно конкурсный экзамен, осенью 1895 года я поступил в академию».

В воспоминаниях «50 лет в строю» известный военный писатель и дипломат граф А.А. Игнатьев, перешедший после Октября на службу в Красную армию, похоже, не забыл атмосферы вступительных экзаменов в Николаевскую академию Генерального штаба до последних своих дней:

«Из рассказов всех неудачников... можно было заключить, что не только сама академия, но даже вступительные в нее экзамены были чем-то вроде скачек по крайне пересеченной и полной сюрпризов местности...

Явившись в начале августа в академию, я нашел ее коридоры запруженными офицерами всех родов войск: от лысеющих штабс-капитанов до таких же юных корнетов, как я сам...

Нам предписывалось явиться... для представления начальнику академии генералу Сухотину. Сухотин сразу обнаружил свой «демократизм», поставив нас в шеренги по алфавиту, а не по полкам. Обходя ряды, он как бы умышленно не задал ни одного вопроса гвардейцам. Они, впрочем, не в пример остальным держали себя непринужденно, так как провал на экзаменах не означал для них ни особого горя, ни, тем паче,

позора. Между тем для большинства результат экзаменов был вопросом жизни или медленного томительного умирания в глухих гарнизонах. Армейские офицеры подобострастно раскланивались при встрече с офицерами Генерального штаба, в которых видели будущих экзаменаторов. Так и чувствовалось, что их мысли то и дело переносятся в глухую провинцию, где с замиранием сердца ожидают результатов экзаменов их жены и дети.

По установленному ранее порядку первым был экзамен по русскому языку. Требовалось получить не менее девяти баллов по 12-балльной системе; оценка складывалась из баллов, полученных за диктовку и сочинение. Экзамена по русскому языку особенно боялись, так как наперед знали, что он повлечет за собой отсев не менее 20 процентов кандидатов...

После отсева из-за русского языка нас разбили на группы по алфавиту, причем в последней группе кроме русских офицеров с фамилиями на «я», «ш», «щ» числились пять офицеров болгарской армии...

Больше всего среди державших экзамены было артиллеристов, носивших бархатные воротники, что являлось уже само по себе признаком принадлежности к «ученому» роду оружия. Многие из них подчеркивали свою образованность тем, что носили пенсне или очки — явление в армии редкое, и вообще держали себя с некоторым чувством превосходства над скромными пехотинцами и легкомысленными кавалеристами...

Проскочив два серьезных препятствия на экзаменационном стипль-чезе (в конном спорте скачки со сложными препятствиями. — *А.Ш.*) в виде русского языка и математики и потеряв при этом несколько «провалившихся», наша группа уже бодрее пошла на чисто военные препятствия — на экзамен по уставам...

На уставах наша группа не понесла потерь, но ощутила немалую тревогу, явившись через два дня на экзамен по главному военному предмету — тактике. По ней экзаменовали те два профессора, которые и читали этот предмет в академии: по элементарной тактике — полковник Орлов, по общей — полковник Колюбакин.

Николаю Николаевичу Орлову при его внешности и слащавом вкрадчивом голосе гораздо более подходила бы попов-

ская риза, чем мундир Генерального штаба. Это был деляга, использовавший свои недюженные способности и изумительную память для заработка денег на военных изданиях и завоевания себе прочного положения в военной профессуре... Его собственные тактические способности, наконец, должную оценку, но это обошлось, к сожалению, слишком дорого русской армии. Кому не известен разгром дивизии Орлова в сражении у Ляояна?..

По-французски я получил полный балл... По немецкому языку мне сбавили один балл... Экзамен по истории прошел счастливо...

Много тяжелее пришлось мне на самом подходе к финишу — на экзамене по географии. По русской географии экзаменовал заслуженный профессор статистики и автор трудов по военной географии генерал Золотарев, а по иностранной — молодой полковник Христиани, восходящее светило академии...»

В числе 50 счастливчиков, зачисленных на младший курс Николаевской академии Генерального штаба в 1895 году, вместе с поручиком Корниловым оказались Антон Иванович Деникин, с которым он близко сойдется, и поручик М.Д. Бонч-Бруевич, брат сподвижника вождя мировой революции, ставший после октября 1917 года красным генералом.

Один из сподвижников Корнилова в Белом движении донской атаман генерал-лейтенант Генерального штаба Африкан Петрович Богаевский оставил в эмиграции мемуары «Ледяной поход». Они были опубликованы в Нью-Йорке «Союзом первоходников» в 1963 году. Автор так вспоминал о появлении в стенах академии поручика-туркестанца Корнилова:

«Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом был мало замечен в академии и только во время экзаменов сразу выделялся блестящими успехами по всем наукам...»

Условия учебы в Николаевской академии Генерального штаба во все времена были жесткими. После первой же неудовлетворительной оценки слушатель отчислялся обратно в войска без права вернуться в академические стены. Но и здесь поручик Лавр Корнилов оказался в числе первых, показывая «примерные» знания не только в точных науках артиллерийского дела, но и большой интерес, скажем, к военной топог-

рафии. К этой учебной дисциплине, к слову сказать, в академических курсах мало кто проявлял серьезного интереса.

Граф А.А. Игнатьев так описывал летние топографические съемки, на которые под столицу выезжали слушатели академии. Определенная заранее местность разбивалась на участки, которые слушатели «вытягивали» по жребию:

«На двух офицеров выдавался один кипрегель (оптический прибор для измерения углов и расстояний на местности. — А.Ш.) ... Первая съемка... инструментальная — две квадратные версты в масштабе 100 сажен в дюйме. Срок на нее был три недели. Каждая вежа накалывалась и обводилась кармином, каждый двор обмеривался цепью, план вычерчивался тушью, после чего его торжественно «крестили», обливая двумя-тремя ведрами воды, чтобы подготовить ватманскую бумагу для акварельной разрисовки.

Вторая съемка была полуинструментальная — четыре квадратных версты в масштабе около 200 сажен в дюйме. После этого нужно было за десять дней произвести съемку десяти квадратных верст в масштабе 250 сажен в дюйме. Многие за такой короткий срок успевали тщательно отделать только ту дорогу, по которой предполагался проезд начальства. Предположения эти, однако, не всегда оправдывались.

Наши хитроумные генералы, знавшие наизусть всю местность, выбирали порой предательские маршруты и, следуя на извозчике, выезжали не на показанную на планшете и «содранную с карты» дорогу, а на заросшую лесную тропу...»

Николаевскую академию Генерального штаба Корнилов закончил в 1898 году по первому разряду, удостоившись малой серебряной медали. Другой наградой за успешную учебу ему стало досрочное присуждение капитанского звания. Его фамилия украсила почетную мраморную доску академии.

Выпуск из стен Николаевской академии Генерального штаба запомнился Корнилову навсегда. По установившейся традиции за день до представления императору выпускные офицеры представлялись военному министру, тогда генералу А.Н. Куропаткину. В своих воспоминаниях «Путь русского офицера» Деникин писал:

«Генерал Куропаткин обходил нас, здороваясь, и с каждым имел краткий разговор...»

После этого выпускники всех четырех военных академий старой России удостоивались чести быть представленными императору Николаю II в Зимнем дворце. Тот же А.И. Деникин рассказывал о царском приеме так:

«...Ждали долго. Наконец по рядам раздалась тихая команда:
— Господа офицеры!

Вытянулся и замер дворцовый арап, стоявший у двери, откуда ожидалось появление императора. Генерал Куропаткин, стоявший правее нее, низко склонил голову... Вошел государь. По природе своей человек застенчивый, он, по-видимому, испытывал немалое смущение во время такого большого приема — несколько сот офицеров, каждому из которых предстояло задать несколько вопросов, сказать что-либо приветливое. Это чувствовалось по его добрым, словно тоскующим глазам, по томительным паузам в разговоре и по нервному подергиванию аксельбантами...»

Лучшие выпускники академии пользовались правом преимущественного выбора места дальнейшей службы. Обычно предпочтение отдавалось службе в войсках императорской Гвардии, расквартированной в Санкт-Петербурге и его окрестностях и частью в столице Царства Польского Варшаве, московском гарнизоне, где числился Гренадерский корпус, и в больших городах европейской части страны.

Однако у новоиспеченного армейского капитана был свой взгляд на офицерскую службу. Капитан Корнилов поразил многих: он вновь выбрал Туркестанский военный округ. И не город Ташкент, к тому времени хорошо обжитый русскими, а беспокойную границу с Афганистаном.

К выбору Корнилова местом новой службы места старого знающие его начальники отнеслись серьезно, без лишних распросов. Поскольку и их послужные списки изобиловали краями и гарнизонами «отдаленными». Все-таки Туркестан был родиной молодого офицера.

К тридцати годам своей жизни Лавр Корнилов свободно владел персидским, татарским, туркменским, казахским, английским, французским и немецким языками. Языки же народов российского Туркестана, давались ему вообще легко.

В старой русской армии существовали «железные» правила продвижения офицеров по строевой линии. Корнилов не имел

обязательного ценза командования ротой. Поэтому один первый год своего вторичного пребывания в Туркестанском крае капитан-«академист» командовал стрелковой ротой, получив при этом отличную аттестацию.

Известно, что капитан Корнилов учил стрелков-туркестанцев действовать в бою по-суворовски. Книга русского военного гения «Наука побеждать» тогда печаталась под следующим названием: «Творение препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российской армии князя италийского, графа Суворова-Рымникского». Лавр Георгиевич говорил нижним чинам, что ключи к победе в полевом бою — это глазомер, быстрота и натиск.

Ротный учил солдат и унтер-офицеров воинскому искусству, постоянно напоминая, что воевать надо доблестно, инициативно, с пониманием «своего маневра». Об отступательных действиях на войне Корнилов обычно говорил суворовскими словами:

«Отступных плутонгов (взводов. — *А.Ш.*)? — Лучше об оных и не помышлять! Влияние их солдату весьма опасно, а потому и ни о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить!..»

На афганской границе судьба Лавра Корнилова складывалась так, что могла бы послужить сюжетом не для одного, а для многих приключенческих романов о бесстрашных разведчиках или шпионах. В зависимости от того, как смотреть и с каких позиций на род их деятельности, с риском для собственной жизни. Именно таким «рыцарем плаща, но не кинжала» и был будущий Верховный главнокомандующий России в Первой мировой войне.

Служба Корнилова в штабе Туркестанского военного округа продолжалась шесть лет. В августе 1899 года он был назначен старшим адъютантом окружного штаба, а в сентябре 1901 года — штаб-офицером для (специальных) поручений при этом же штабе. Или говоря иными словами, Корнилов, владевший основными языками края, стал профессиональным военным разведчиком, для которого в Туркестане нашлось действительно «много работы». Одна за другой следуют несколько служебных командировок в сопредельные страны.

С февраля 1899 года по март 1904 года Корнилов совершил инкогнито продолжительные «служебные поездки» в Персию,

Афганистан, Индию и Китай (Восточный Туркестан, или Синкианг). В то время между Великобританией и Россией шло острое соперничество за влияние в Азии.

Британское правительство явно не устраивало то, что на высокогорном Памире был вкопан пограничный столб с двуглавым российским орлом, «расправившим крылья», что правый берег среднеазиатского Пянджа и дальневосточного Амура отошел к России. Это были лишь два места на географической карте, столкнулись интересы Лондона и Санкт-Петербурга.

Южнее Пянджа находился беспокойный для всех европейцев Афганистан, на который давно претендовала английская корона. А еще южнее этой бедной и «дикой» страны лежала Индия, драгоценная жемчужина той короны. Со времен российского императора Павла I, и даже еще раньше, на Британских островах боялись даже кивка любого венценосного самодержца на берегах Невы в сторону сказочно богатой Индии и сопредельных с ней земель. Прежде всего в сторону Персии и Афганистана, которые со временем стали традиционными рынками сбыта российских промышленных товаров. Например, Монголия (Халха или Внешняя Монголия) и китайское приграничье.

Когда русские пограничные стражники-казаки стали всматриваться с Памирских гор на противоположный берег бурного Пянджа, англичане начали укреплять дальние подступы к Индии. Вкопанные на Памире полосатые (чтобы их было видно издалека) пограничные столбы с двуглавым российским орлом пришлось явно не по душе правительству и военному ведомству Великобритании.

Символом таких британских имперских забот стало возведение на левобережье Пянджа крепости Дейдади. Она строилась не восточными, местными фортификаторами, а европейскими, по последнему слову военно-инженерной науки. Местные афганские племена поднялись было против непрошенных гостей, но их на какое-то время усмирили пушечными залпами.

Такое немаловажное обстоятельство, «устремленное в будущее», никак не могло пройти мимо заинтересованного внимания штаба Туркестанского военного округа. Афганские дела были изначально его прямой заботой. В Ташкенте и в Санкт-

Петербурге были сильно обеспокоены активностью англичан в приграничной с Россией сопредельной полосе. Требовалось обстоятельно разведать, что делает «владычица морей» Британия вдали от берегов Индийского океана, то есть на противоположных берегах пограничных рек.

Эту задачу и стал решать разведывательный отдел российского Генерального штаба. Кому, как не ему, необходимо было знать обо всем, что находится на возможном театре военных действий к югу от Туркестанского края. В число профессионально подготовленных офицеров-разведчиков вошел и Корнилов. Он поступает в распоряжение известного исследователя Средней Азии тогда еще генерал-майора Михаила Ефремовича Ионова.

Штаб-квартирой знаменитого географа в то время являлся узбекский город Термез, стоявший на правом берегу реки Амударьи, у места впадения в нее реки Сурхандарьи. Собственно город с древним названием появился только в 1928 году, а тогда это было селение Паттигиссар у речной переправы, рядом с которым разместился русский пограничный пост. Сюда и прибыл, чтобы «затеряться» на несколько лет, артиллерийский офицер с академическим образованием.

Будущий генерал, губернатор Семиреченской области и наказной атаман Семиреченского казачьего войска Ионов, стал начальником и наставником Корнилова. У Ионова было чему поучиться: участник покорения Хивы, Бухары и Коканда, он получил орден Святого Георгия за штурм Кокандской крепости. В 1891 году с охотничьими командами Туркестанских линейных батальонов был послан на высокогорный киргизский Алай для приведения в российское подданство местных жителей. В 1892 году экспедиционный отряд под его командованием занимает Памир. Мало кому известно, но русские вели бои с афганцами именно там и под Кушкой. Правда, после этих первых столкновений стороны проявили известное благоразумие и дальше вперед не пошли.

Ионов прославился не только Памирской экспедицией, но и тем, что «ликвидировал» следы работы британской миссии капитана Юнгесбенда, посетившего Кашгарию. Тогда английский разведчик смог убедить китайские власти выставить вооруженные посты на берегах озера Яшилкуль. На эти посты

и наткнулся казачий отряд полковника Ионова, который вошел в горы современной Киргизии со стороны Ферганской долины. Тогда Михаил Ефремович исчерпал опасный инцидент словами своего приказа кашгарским военным людям. «А ну прочь с русской земли!..»

В Термезе генерал Ионов занимался разведыванием сопредельной стороны, и ему требовались для этой цели бесстрашные, толковые офицеры со знанием восточных языков. Таких работников, которые и тогда «ценились на вес золота», у него оказалось немного. И даже среди них артиллерийский офицер, сын сибирского казака и казашки, выделялся в самую лучшую сторону.

Осенью 1899 года капитан Лавр Корнилов, сняв мундир пешотного капитана, отпустив на своем дочерна загорелом лице заблаговременно бороду и облачившись в тряпье степного бродяги, «исчез» из Ташкента. Его неизведанный для россиян путь пешком лежал на юг через пограничную русскую крепость Кушку. Он пролегал по древним караванным дорогам, где во все мирные и немирные времена бродило немало разноплеменных странников, внешне похожих на преобразившего свой образ офицера штаба Туркестанского военного округа. Документов тогда путники-бродяги не имели, да их и не спрашивали местные власти. Но если таким странником был человек по виду европеец, а не мусульманин, то его ожидали большие личные неприятности, а не просто разбирательство, кто он такой.

Генерал Ионов поставил перед капитаном Лавром Корниловым задачу не из простых. Требовалось выяснить схему английских укреплений на противоположной стороне пограничной реки, и особенно новой афганской крепости Дейдади, расположенной в ущелье Гиндукуша в 50 верстах от границы, ее гарнизон и вооружение. Перед этим несколько разведчиков, засланных туда, провалились, за что поплатились своими жизнями.

Официально первая «заграничная» командировка Корнилова выглядела так. Штаб Туркестанского округа командировал его в город Керки (урочище Термез) для руководства кавалерийскими учениями с офицерами тамошнего гарнизона. Оттуда он съездил по казенным надобностям в город Асхабад

и только после этого «исчез» из поля зрения сослуживцев в соседнем Афганистане.

За кордон Лавр Корнилов отправился в сопровождении трех туркмен-йомудов. Один из них по имени Эссен станет его верным и постоянным спутником в последующих «командировках». Бритоголовые, одетые в рваные халаты, русские разведчики переправились на бурдюках через бурную реку и оказались на афганской стороне. Там четыре человека, назвавшись все туркменами, заявили местным властям, что желают записаться в королевскую армию. Такое желание подозрительным быть не могло, но все же провинциальные чиновники решились поостеречься.

Пока выяснялись их личности, Корнилов, отлично знавший дело картографов, снимает план недоступной ранее крепости, составляет кроки (карту местности) маршрута к ней. После этого он со своими спутниками благополучно возвращается обратно. Теперь русское командование знало (на случай войны) очень многое о сильной приграничной крепости Дейдади.

К крокам крепости Корнилов, как положено, приложил объяснительную, аналитическую записку. В ней говорилось, что в случае войны с англичанами сложность положения России видится в том, что ее войскам придется действовать в областях, почти не освоенных и слабо укрепленных. И что в случае наступления русской армии через Афганистан британцы с афганцами встретят ее севернее Кабула. Поэтому Корнилов, большой знаток среднеазиатских гор, предостерегал командование от втягивания войск в глубокие и узкие ущелья Гиндукушского хребта. Дороги в них изобиловали местами для устройства засад, и каждый поворот ущелья грозил западней для неосмотрительного воинского отряда.

За первую же разведывательную поездку генерал Ионов представил своего подчиненного к высокой награде — к ордену Святого Владимира 4-й степени с мечами. Это была боевая орденская награда. Но вместо нее капитан Корнилов получил от окружного начальства выговор «за самовольную отлучку за границу». Что и говорить, в жизни бывают и такие случаи.

В 1899 году капитан Лавр Корнилов занимается исследованием района Кушки. Значение этой русской пограничной кре-

пости, под стенами которой разместилась казачья станица, было велико. Не случайно в Туркестане эта крепость постоянно укреплялась вплоть до 1914 года

Затем последовала новая «служебная» командировка. Корнилов в сопровождении поручика Кириллова, четырех семиреченских (недавних сибирских) казаков, отличавшихся, как и он, восточным типом лица и знанием туркестанских языков и обычаев. Эта шестерка на протяжении семи месяцев скиталась по пустыням и оазисам китайского Туркестана и Кашгарии. За шесть недель разведчики исходили вдоль и поперек выжженные солнцем сопредельные области.

Разведчика русского Генерального штаба интересовало в Кашгарии многое. Прежде всего местные крепости, в своем большинстве глинобитные, но способные держаться против противника, не обремененного полевой артиллерией и большим боезапасом. Корнилов со своими верными спутниками «незаметно» и старательно «исследует» крепости городов Кашгара (древнего Каши), Аксу, Яркенда (Шачэ), Сугуна, Байлура, Ачала...

Фиксируется их состояние, численность гарнизонных войск, наличие пушек, звания крепостных комендантов... Корниловские отчеты об этой «заграничной командировке» вполне могли стать учебниками для любых разведчиков, готовящихся к «работе» на Востоке.

Не менее чем крепости, Лавра Георгиевича интересовали кашгарские дороги и источники питьевой воды в этом пустынном крае. Он изучает переправы через реки Тарим, Хотан, Кашгар, Аксу, Кончедарья. Определяет места возможной разбивки полевых лагерей. Изучает умонастроения народов, населяющих Кашгарию, степень их религиозности и воинственности, отношение к центральной пекинской власти. Оценивает область, ее отдельные районы, наличие продовольственных ресурсов.

Затем приходит очередь Восточной Персии. Самое пристальное внимание разведчиков было обращено к провинции Хоросан, ее дорогам, крепостям, источникам воды (пустынным колодцам и горным родникам), ресурсам провианта и фуража. Такое же внимание было уделено другой иранской провинции — соседнему Систану.

О том, насколько обширным был персидский маршрут Корнилова, свидетельствует то, что он добрался чуть ли не до побережья Аравийского моря, исследуя обширную пустынную область Белуджистан, часть которой находилась на территории британской Индии (в современном Пакистане). Он собрал сведения о воинственных племенах белуджей, кочевавших в пустынном крае и во многом походивших на афганские (пуштунские) племена.

В персидской командировке Корнилову и его верному спутнику туркмену Эссену приходилось менять обличье, преобразовываться. Задача разведчиков, которая состояла в определении возможностей прохода русских войск через пустынные провинции Персии, была выполнена со всей полнотой.

Когда в годы Первой мировой войны германская разведка и турецкое командование попытались было поднять на священную войну против соседней России воинственные афганские кочевые и полукочевые племена, то на пути вражеской агентуры встал конный — казачий — Хоросанский отряд. Он был выделен для этой цели из состава сил Туркестанского военного округа. Экспедиционный отряд действовал на основе разведывательных данных об этой северо-восточной окраине современного Ирана. Эти сведения с риском для жизни собрал капитан Лавр Корнилов.

В итоге оградительных действий Хоросанского отряда ни одно пуштунское племя Афганистана не пересекло российскую границу. Турецкое и германское командование так и не смогло перебросить туда ни караваны с оружием, ни своих лазутчиков-«деньгонош». То же можно сказать и о не менее воинственных кочевых племенах Белуджистана. Вплоть до начала 1918 года Кавказский фронт так и не продвинулся на восток от гор Курдистана.

Едва ли не самой опасной заграничной командировкой капитана Лавра Корнилова стало путешествие в Дашти-Наумед, что в переводе с персидского означало Степь Отчаяния. В 1901 году эта пустынная область современного Ирана на его карте считалась «белым пятном». До Корнилова здесь не побывал ни один европеец. В течение нескольких месяцев он в сопровождении двух казаков и двух туркмен ходил то пешком, то конным по Дашти-Наумед, нанося все увиденное на карту.

После этого трудного и опасного во всех отношениях разведывательного «путешествия» он возвратился в Ташкент. Там он, 31-летний офицер решил устроить личную жизнь. Он женился на Таисии Владимировне Марковой. Медовый месяц они провели в поездке по пустыне.

В другой «служебной» командировке капитан Лавр Корнилов со своим спутником туркменом Эссенем занимался исследованием туркестанского востока китайской империи Цинь. Два путника преодолели на «своих двоих» труднейший высокогорный перевал Сары-Могук и оказались на территории Кашгарии и сопредельных с ней областях, населенных мусульманскими народами, которые в то время находились под формальным управлением Китая.

Оба русских разведчика, одетые в драные халаты, в дорожной пыли и обожженные солнцем, под видом бродячих деревнишей сумели пробраться в самые запретные для европейцев районы Кашгарии. Корнилову помогла его внешность, прекрасное знание восточных языков и местных обычаев, поразительное умение приспособливаться.

Из многосложной и опасной кашгарской командировки разведчики вернулись в российские пределы через шесть недель. Лавр Корнилов выложил перед начальством выполненные кроки всех пограничных укреплений труднодоступной Кашгарии. Составленная им карта китайского приграничья давала подробные ответы на многие вопросы в случае возникновения здесь военного конфликта.

В 1902 году Корнилову, теперь уже подполковнику, поручают редактирование тогда еще секретного издания штаба Туркестанского военного округа под названием «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом».

Лавр Георгиевич поместил в него несколько отчетов о своих заграничных путешествиях, а также материалы своих сослуживцев-разведчиков. Эта работа получила самую доброжелательную оценку видных специалистов.

Составленные по долгу службы Корниловым военно-научные обозрения стран Среднего Востока были предметом зависти британских «специалистов» по этому азиатскому региону. А изданные штабом Туркестанского военного округа работы ка-

питана Л.Г. Корнилова «Кашгария, или Восточный Туркестан» и «Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестаном» стали серьезным вкладом в географию и этнографию региона. Помимо требуемой от него разведывательной информации он сумел собрать еще и немало научных сведений.

В 1903 году Лавр Георгиевич отправляется в свою последнюю заграничную поездку. Его командируют в британскую Индию для изучения языков, нравов и обычаев народов этой страны. Там он и получил известие о начале войны России с Японией.

В июне 1904 года подполковник Корнилов оставляет Туркестан. Его переводят в столицу России и назначают столоначальником Главного штаба, или, иначе говоря, начальником отдела. Но служить в этой должности, занимаясь в Санкт-Петербурге туркестанскими делами, ему почти не пришлось.

Началась русско-японская война 1904—1905 годов. В ходе сражений на полях Маньчжурии Лавр Георгиевич Корнилов получил свое боевое крещение.

Война на Дальнем Востоке началась для Корнилова с зачтения перед офицерским строем Высочайшего манифеста все-российского монарха Николая Александровича Романова о официальном объявлении войны с Японией. Он гласил:

«... В заботах о сохранении дорого сердцу нашему мира нами были приложены все усилия для упрочения спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существовавших между обеими империями соглашений по корейским делам. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония, не выждав даже получения последних ответных предложений правительства нашего, известила о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений с Россией.

Не предуведомив об этом, что перерыв таковых сношений знаменует собой открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура.

По получении о сем донесения Наместника Нашего на Дальнем Востоке, Мы тотчас же повелели вооруженной силой ответить на вызов Японии.

Объявляя о таком решении Нашем, Мы с непоколебимой верой в помощь Всевышнего и в твердом уповании на единодушную готовность всех верных наших подданных встать вместе с нами на защиту Отечества призываем благословение Божие на доблестные Наши войска армии и флота...»

После обнародования Высочайшего манифеста в столице состоялась официальная торжественная церемония. 27 января в 4 часа дня в Зимнем дворце состоялся «Высочайший выход к молебствию» по случаю объявления войны с Японией. Государь-император Николай II, последний из династии Романовых, был встречен собравшимися, среди которых было много военных людей, с «неописуемым восторгом». В стенах исторического дворца Российского государства долго гремело единодушное: Ура! Ура! Ура-а-а!..

Глава 3

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ. ПЕРВЫЙ СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

30 сентября 1904 года подполковник Корнилов получил назначение на должность штаб-офицера при управлении 1-й Стрелковой бригады, которая отправлялась на войну.

Путь в несколько тысяч верст по Транссибирской железнодорожной магистрали до театра войны оказался долог. На восток один за другим шли воинские эшелоны с людьми и лошадьми, артиллерией и боевыми припасами, провиантом и фуражом. Навстречу шли пустые эшелоны и приметные красными крестами на вагонах санитарные поезда, полные искалеченных, тяжелораненых бойцов русской Маньчжурской армии.

Наступившая зима сковала крепким льдом Байкальское море. Окружной дороги вокруг его южной оконечности тогда еще не было. В Иркутске воинские эшелоны разгружались и по льду пешим порядком переходили на противоположный берег. В городе Верхнеудинское (ныне Улан-Удэ) их поджидали новые составы, которые полным ходом пересекали Забайкалье и пограничную с Китаем реку Аргунь. За ней началась Маньчжурия, через которую шла Китайская Восточная железная дорога (КВЖД).

Это был наиболее трудный участок на пути от Санкт-Петербурга до Владивостока. Непрерывная нить Сибирской магистрали заканчивалась у озера Байкал. При строительстве так называемой Кругобайкальской железной дороги протяженностью в 282 версты пришлось идти по горной местности и соорудить длинный 3,5-верстовый туннель.

В изданном Военно-исторической комиссией Генерального штаба в 1910 году труде «Русско-японская война 1904—1905 гг.» на сей счет говорилось следующее:

«Ввиду подобных условий решено довести магистраль до западного берега оз. Байкал, до пристани Листвиничной, Кругобайкальской дороги не строить, а, организовав правильное (постоянное. — А.Ш.) пароходное сообщение по озеру до пристани Мысовой на восточном берегу Байкала, продолжать уже отсюда прокладку дальнейшего пути по Забайкалью...»

1-я Стрелковая бригада, «протащившись» по Транссибу и КВЖД десятком воинских эшелонов, прибыла на войну, когда русская армия уже потерпела от японцев ряд поражений на реках Ялу и Шахэ, под Ляояном, а крепость Порт-Артур защищалась стойко и упорно, но уже из последних сил.

Первой битвой, в которой Корнилову довелось участвовать, известна как дело под Сандепу. Суть его заключалась в следующем. Император, столица требовали от генерала А.Н. Куропаткина провести наступательную операцию и добыть на поле брани первую значимую победу над армиями маршала Ивао Оямы. Тем более что крепость Порт-Артур все еще держалась и была надежда на ее деблокирование.

...Время торопило. Но только в январе 1905 года в куропаткинском штабе определились с планом предстоящего наступления. Суть его заключалась в следующем: 2-я Маньчжурская

армия генерала О.К. Гриппенберга в составе 120 батальонов пехоты, 102 сотен и эскадронов кавалерии, 12 инженерных рот, 440 орудий и 20 пулеметов (знаменитый «максим» тогда в полках был еще большой редкостью) наносила главный атакующий удар. Огневое содействие ей оказывали две соседние Маньчжурские армии — 1-я и 3-я. Ударная армия должна была охватить левый фланг 3-й японской армии генерала Ясукаты Оку, и овладеть неприятельскими позициями между реками Хуньхэ и Шахэ на фронте Сандепу — Халентай. После этого первоначального успеха в наступление переходили 1-я и 3-я русские Маньчжурские армии.

Главкомандующий генерал А.Н. Куропаткин, он же недавний военный министр, разослал командующим армий так называемые тактические указания. В куропаткинских указаниях (вернее, указаниях его полевого штаба) подробнейшим образом расписывалось, какая армия, когда и что должна была делать, какими населенными пунктами овладевать и в какой последовательности, хотя опыт войны показал, что «указывать» такое мог только сам ход сражения или боя.

«Указания» подействовали на армейских командиров весьма отрицательно, связав их инициативу и отняв у них возможность поступать исходя из реальной обстановки. Они не могли принимать решения, отличные от тех, которые были предначертаны штабом чуть ли не на всю операцию вперед. Позднее Лавр Георгиевич Корнилов скажет:

— Русско-японская война научила меня видеть, как опасно на войне лишать подчиненных права проявлять собственную, разумную инициативу. Права бороться за победу собственным умом, дерзостью и командирской отвагой...

Многие участники той войны и историки считают, что Куропаткин, согласившись на наступление, был в душе против него. Отданные им тактические указания были составлены с одной-единственной целью: чтобы в случае очередной неудачи заявить, что исполнители не выполнили в точности предписания своего главкомандующего.

«...Генерал Гриппенберг, всегда боявшийся, чтобы кто-либо не подумал, что он делает не то, что сам придумал, а то что ему другие советуют,.. ревность к офицерам Генерального штаба была в особенности заметна и даже доходила до того,

что он относился к ним не с полным доверием, даже в том случае, ежели сам их выбирал и ходатайствовал о их назначении...»

Наступление на деревню Сандепу началось в ночь на 25 января 1905 года. Его предвляла артиллерийская подготовка в основном из легких, скорострельных орудий, поэтому вражеские огневые точки оказались в своем большинстве не поврежденными. Две трети артиллерии русской 2-й армии оказались в резерве. 1-й Сибирский стрелковый корпус генерала Г.К. Штакельберга неожиданной быстрой атакой захватил всю линию реки Ханьхэ. Оборонявшиеся здесь японцы, бросая оружие, бежали.

Корниловская 1-я Стрелковая бригада, входившая в состав Сводно-Стрелкового корпуса, к началу боя была оставлена в армейском резерве, в 25 верстах от первоначального места боя за Сандепу, в деревне Даваньганьпу. Она стала как бы вторым эшелонном резервных 2-й и 5-й Стрелковых бригад.

Так было по первоначальной диспозиции наступательной операции. С началом сражения этим трем резервным стрелковым бригадам было приказано подойти как можно ближе к месту событий, расположившись у деревни Джаньтань. Им была уготована участь спасителей от поражения 1-го Сибирского корпуса, действовавшего против японских позиций у Сандепу.

К 22 часам следующего дня 1-й Сибирский корпус выполнил поставленную перед ним задачу и овладел укрепленными селениями Сумапу и Хэгоутай, выбив оттуда японцев. Однако после ночного успеха наступление развивалось крайне медленно, и заставить японское командование врасплох не удалось.

Зато маршал Ивао Ояма немедленно стал усиливать свой левый фланг и подтягивать войска к переднему краю, чтобы парировать наступление русских. И без того немалый гарнизон Сандепу, занимавший исключительно выгодное положение, был усилен.

С утра 26 января русская артиллерия начала бомбардировку Сандепу и прилегающих к ней неприятельских позиций, однако без видимого успеха. Совершенно ровная местность перед Сандепу в тот день была покрыта тонкой коркой льда.

Сильный туман затруднял движение наступавших войск. Из-за тумана часть полков, имевших к тому же потери в людях и командирах, перемешалась и вместо восточного направления взяла юго-восточнее. В 600—800 шагах от ближайших глинобитных домов Сандепу атакующие залегли и в течение шести часов, до самого долгожданного сигнала к атаке, находились под убийственным ружейным огнем японцев.

Командир 14-й пехотной дивизии, непосредственно наступавшей на Сандепу, генерал-майор С.И. Русанов тщетно искал командира корпуса, чтобы доложить обстановку. Не получив подкреплений и артиллерийской поддержки, дивизионный начальник не осмелился начать общую атаку. Однако ночью два полка его дивизии по собственной инициативе ворвались в какую-то большую китайскую деревню, из которой под их натиском бежала японская пехота.

Успех ночной атаки, завершившейся рукопашными схватками, дал генерал-майору Русанову и его начальнику штаба полковнику Трегубову основания доложить корпусному командиру: «Дивизия поставленную задачу выполнила. Сандепу, вся разрушенная артогнем, в наших руках».

Через час об этом несомненном ночном успехе стало известно главнокомандующему, и Куропаткин отдал приказ командующему 2-й Маньчжурской армии «воздержаться от дальнейшей атаки, ограничиваясь удержанием Сандепу». Это большое (на карте) китайское селение он считал «ключом» ко всей неприятельской оборонительной позиции.

С рассветом, когда ночной туман рассеялся, выяснилось, что 14-я пехотная дивизия с боем захватила не Сандепу, а находившуюся 400 м севернее нее деревню Баотайцзы, которая в течение двух дней подвергалась артиллерийскому обстрелу. А саму Сандепу, хорошо укрепленную, огонь русской полевой артиллерии так и не затронул.

Дальнейшие попытки захватить Сандепу успеха не имели. Японская пехота, засевшая в окопах и глинобитных домах, при огневой поддержке своих батарей, отразила все атаки русских. Русановская 14-я дивизия, потеряв 1122 человека убитыми и замерзшими ночью в чистом поле, была вынуждена отойти на исходные позиции. Потери были во всех ее полках: Подольском, Минском, Волынском и Житомирском.

В ходе операции на фронте 1-го Сибирского корпуса продолжались ожесточенные бои. Японцы, как выяснилось через пленных, усилили это направление резервами, и перешли к контратакующим действиям. Русские сравнительно легко отбивались с помощью огня полевых батарей. Когда на правом фланге корпуса начал атаковать врага переправившийся через реку Хуньхэ кавалерийский отряд генерала П.И. Мищенко (около 40 эскадронов и сотен), 1-й Сибирский корпус, приободрившись такой поддержкой, стал снова наступать по «собственной инициативе», а не по замыслу куропаткинского штаба. Такое на русско-японской войне открыто не одобрялось.

Однако эта «самодеятельность» закончилась самым неожиданным образом: приказом сверху было велено прекратить неплановое наступление и перейти к обороне. Благодаря этому японское командование «выиграло» целые сутки, чтобы принять адекватные меры против начавшегося наступления русской 2-й Маньчжурской армии.

Кавалерийский генерал Мищенко, почувствовав возможность большого тактического успеха, обратился к командиру 1-го Сибирского корпуса генералу Штакельбергу с просьбой начать наступление в восточном направлении, пока японцы еще не подтянули туда резервы. Генерал Штакельберг решил еще раз проявить инициативу. Полки корпуса, перешедшие в атаку, сразу же добились заметного успеха. При этом в ходе ночной (мела снежная пурга) атаки четырех полков 1-й Сибирской дивизии была наголову разгромлена японская 3-я пехотная дивизия, которая защищала укрепленную деревню Сумапу.

Теперь русские войска получали хорошую возможность окружить Сандепу и неприятельские войска, сосредоточенные в этом селении. Конница генерала П.И. Мищенко стала выходить в ближние японские тылы и заставила противника оставить позицию у деревни Цзяньцзявопу. Сама обстановка требовала от русского командования наращивания атакующих усилий, поскольку победа становилась зримой.

Но как только о происходящем стало известно командующему 2-й Маньчжурской армией генералу О.К. Гриппенбергу, то корпусной командир получил от него приказ немедлен-

но остановиться и не «ломать» общую позиционную линию. Японцы же, не теряя драгоценного времени и подтянув значительные резервы, отбили у русских деревню Сумалу с ее полевыми укреплениями. Русским войскам здесь пришлось отступить с большими потерями в людях. Это поражение, как ни странно, стало причиной для отстранения от командования 1-м Сибирским корпусом генерала Г.К. Штакельберга, дважды проявившего разумную инициативу.

Впоследствии Военно-историческая комиссия по изучению Русско-японской войны 1904—1905 годов, состоявшая из компетентных в своих областях специалистов, отметит следующее:

«Едва лишь войска 1-го корпуса успели сделать первые шаги своего наступления, как уже было получено новое приказание генерал-адъютанта Гриппенберга, которое предостерега-ло от энергичных наступательных действий».

С наступлением светового дня 15 января, после сильной артиллерийской подготовки, полки русской 31-й пехотной дивизии стремительной атакой захватили несколько китайских деревень близ Сандепу и, выйдя с боем во вражеский тыл, поставили японцев в критическое положение. Те напрягали все наличные силы, чтобы сдержать наступающих. Императорский главнокомандующий маршал Ивао Ояма доносил в Токио о том дне русского наступления следующее:

«15 января русские обстреляли наш тыл. Сражение продолжалось в течение всего дня и ночи, наши всюду были придавлены численностью русских. В этот день наши войска были готовы к тому, что будут уничтожены».

Чтобы спасти положение и не допустить полного прорыва своего фронта у Сандепу, маршал Ивао Ояма поздно вечером, собрав в кулак все наличные силы пехоты и полевой артиллерии, четырежды атакывал 1-й Сибирский корпус, но безуспешно. Последнее слово в битве за Сандепу осталось за генералом А.Н. Куропаткиным. В конце дня 15 января он приказал войскам прекратить наступление:

«Войскам в эту ночь отступить и занять сосредоточенное положение на линии....»

Самой удачливой в сражении 31-й пехотной дивизии было приказано под прикрытием ночи отойти на исходные позиции, вернув тем самым японцам отбитые у них деревни и

устроенные вокруг них полевые укрепления. Можно было понять подавленное настроение бойцов этой дивизии, когда они отдавали неприятелю без боя то, что было взято ценой сотен жизней.

Очередное куропаткинское отступление, теперь за реку Хунхэ в морозной ночи, было спешное, неорганизованное. В одной из захваченных близ Сандепу деревень в суматохе остались два батальона русской пехоты, до которых приказ не дошел. Под утро они приняли на себя удар японской 8-й пехотной дивизии и, сдерживая ее натиск, сражались до последнего солдата среди развалин китайских глинобитных фанз. Отошел и кавалерийский отряд генерал-адъютанта П.И. Мищенко, действовавший, по существу, в ближнем тылу японских войск.

Так высшее командование действующей армии России в Маньчжурии в лице главнокомандующего и его штаба отказалось закрепить и развить несомненный успех своих наступавших войск. Советский военный историк комбриг Н.А. Левицкий, рассматривая январское сражение, сделал следующий вывод: «Основная причина неудачи у Сандепу — отсутствие руководства боем».

Русские 1-я и 3-я Маньчжурские армии, изготовившиеся для общего наступления, так и остались стоять на исходных позициях в полном бездействии. Их войска оказались как бы сторонними наблюдателями происходивших событий в полосе фронта 2-й Маньчжурской армии. На следующий день, 16 января, генерал А.Н. Куропаткин сообщал в Санкт-Петербург телеграфом на имя государя следующее:

«Вчера в 17 часов произведено наступление от деревни Сяотайцзы и Лабитай (10-й корпус). Войска вели себя отлично. С наступлением темноты... части, выполнив возложенную задачу, были отведены назад, не преследуемые противником».

Так закончилось январское наступление русской 2-й Маньчжурской армии. Японцы же зимой наступать не собирались. В 4-дневном сражении при Сандепу русские потеряли 368 офицеров и 11 364 солдата, среди них было очень много обмороженных. Японские потери составили 8901 человек

В том сражении резервная 1-я Стрелковая бригада все время то подтягивалась к Сандепу, то перебрасывалась на более

угрожаемый участок. Непосредственное участие в боях брига-да приняла только 8 батальонами и всей бригадной артиллери-ей в числе 24 полевых орудий. Для офицера Генерального шта-ба Лавра Корнилова эта битва стала боевым крещением.

Уже после войны Корнилов, познакомившись с воспоми-наниями генерала П.Н. Баженова «Сандепу — Мукден. Вос-поминания очевидца — участника войны», поймет, насколько важна в сражениях роль разведки поля боя. Баженов со зна-нием дела показал тактические ошибки русского командования на уровне дивизионного и корпусного командования. Он пи-сал о битве при Сандепу так:

«...Деревня эта ко дню атаки вовсе не была обрекогносци-рована, и потому представления о ней у нас имелись совер-шенно не отвечающие действительности; все имевшиеся у нас сведения об этой деревне, можно сказать, исчерпывались той фигурой ее, которая была нанесена на план..., где она обозна-чена в виде длинной улицы, тянувшейся на протяжении око-ло 1,5 версты в направлении с севера на юг; между тем дерев-ня эта совершенно не имела такой формы: то, что мы прини-мали за западную часть длинной улицы были деревни Баотайцзы и Лидзявопу, постройки которых на протяжении около 1,5 версты тянулись с северо-востока на юго-запад; де-ревни эти отделялись от деревни Сандепу открытым простран-ством шириною около полуверсты, по которому протекал ру-чей с двумя обширными прудами, в описываемое время года, покрытыми толстым льдом; сама же деревня Сандепу находи-лась по ту сторону прудов и состояла собственно из ханшин-ного завода, обнесенного прочным земляным или кирпичным валом и еще нескольких построек, которые также были окру-жены земляной траншеей, и затем, как ханшинный завод, так и упомянутая траншея были усилены засеками и проволооч-ными сетями.

Такие сведения о восточной части деревни Сандепу полу-чены были впоследствии, после специальных рекогносциро-вок, исполненных офицером Генерального штаба (капитан Щербак) и после осмотра той же деревни с воздушного шара; перед боем же 13 января всех этих сведений о Сандепу не имелось, и мы даже не подозревали существования по ту сто-рону прудов сильно укрепленного ханшинного завода...»

В послевоенное время на одном из занятий по тактической подготовке Корнилов покажет несоответствие информации о Сандепу, которая имелась в куропаткинском штабе и в штабе русановской дивизии, с действительностью, что сведения, которые были изображены на карте главнокомандующего, шли от недобросовестной работы военных картографов, перед самой войной производивших съемку местности южной части Маньчжурии.

Бывший разведчик-туркестанец скажет, что командиры тех полков, которые ворвались в соседнюю с Сандепу деревню Баотайцзы, вели себя не лучшим образом. Они, упоенные успехом, не позаботились выдвинуть впереди себя боевые дозоры, хотя бы на полверсты. И не поинтересовались, заняты ли неприятелем соседние деревни. Уже одно это стало предвестником последующей неудачи.

Корнилова, да и не только его, поразили последствия обидного поражения. Моральное состояние нижних чинов и офицеров ухудшилось. Длительное, однообразное сидение зимой в окопах, тяжелые земляные работы по усилению полосы обороны действовали на войска деморализующе.

Воинская дисциплина стала падать. Армейское командование даже пошло на создание специальных отрядов, в которые входили чины военной контрразведки, для задержания дезертиров и возвращения их в свои воинские части. До Сандепу таких явлений в русской действующей армии не отмечалось.

Глухое негодование армейского офицерства вызвали оправдания генерала Куропаткина. Он обвинил в неудаче наступательной операции командующего 2-й Маньчжурской армией генерала О.К. Гриппенберга. Опытный шестидесятилетний военачальник «заболел» и отказался от командования армией. В личном послании государю-императору Гриппенберг писал:

«Истинная причина, кроме болезни, заставившая меня просить об отчислении меня от командования 2-й Маньчжурской армией, заключается в полном лишении меня представленной мне законом самостоятельности и инициативы и в тяжелом сознании невозможности принести пользу делу, которое находится в безрадостном положении...»

Генерал просил у императора разрешения на поездку в столицу для личного доклада о действительном положении дел.

Такое разрешение было теперь уже бывшим командующим армией получено. Однако после личной встречи и продолжительной беседы на тему о причинах неудач русского оружия на полях Маньчжурии российский монарх никаких действий не предпринял. Генерал-адъютант О.К. Гриппенберг получил высокую должность члена Верховного тайного совета Российской империи.

Гриппенберг, этот неудачник-командующий, будет долго вспоминаться Лавру Георгиевичу своим душевным, берущим бойцов за живое, приказом после битвы при Сандепу. Он гласил:

«ПРИКАЗ

**войскам 2-й Маньчжурской армии № 17
дер. Матуран, 18 января 1905 года**

Доблестные войска 2-й Маньчжурской армии. Получив приказание о наступлении, Вы в течение четырех дней и трех ночей, с 11 по 16 января, овладели находившимися в руках противника укрепленными селениями: Уцзяганцзы, Читайцзы, Мамыкай, Хуанлотоцзы, Хуаянтай, Таупао, Хегоутай, Сяотайцзы и Лаботай; а когда армия противника сосредоточилась против Вас в превосходных силах, Вы мужественно отразили все ее яростные атаки. Я гордился вашим геройством, выказанным в эти боевые дни; я восхищался Вашей непоколебимой стойкостью и бодростью духа, несмотря на то, что многие из Вас только вечером накануне боя прибыли в пункты сосредоточения, после продолжительного и утомительного марша.

С такими молодцами не страшен никакой враг.

За понесенные труды, стойкость и беззаветную храбрость приношу глубокую благодарность подчиненным мне войскам от корпусных командиров, до всех рядовых включительно.

Век не забуду, что имел счастье командовать такими геройскими войсками.

Генерал-адъютант Гриппенберг».

Благодарность от командующего 2-й Маньчжурской армией за Сандепу стала первой наградной строкой подполковника Корнилова в русско-японской войне. Хотя в его послуж-

ной офицерский формуляр она и не вошла. В него заносились только высочайшие слова благодарности монарха.

Как относился сам Лавр Георгиевич к неудачливому из-за своей личной инициативы в боевых делах командующему армией? Вне всякого сомнения, уважительно. Корнилов и сам в будущем будет много рисковать.

Вскоре после войны Гриппенберг написал после ознакомления с сочинением Куропаткина «Бой под Сандепу» свою книгу под названием «Изнанка «Операции охвата левого фланга расположения армии Оку» в январе 1905 года». Работа за пять лет выдержала четыре издания, настолько сильным оказался к ней интерес военной общественности. Эту книгу читалась и Корнилов, участник той битвы. Так вот, Гриппенберг в конце своей книги приводит копию с открытого письма, полученного его сыном, штабс-капитаном, от училищного товарища из Маньчжурии вскоре после дела под Сандепу:

«Дорогой Шуркин!

Должен утешить тебя в том, что тебе несомненно больно. От многих встречных раненых, участников Сандепу, я слышал полные восторга отзывы, как наши сметали одну деревню за другой под командой твоего отца, и ни одного слова хулы ему. Только горькое сожаление, что он больше не в действующей армии.

Горячо тебя любящий Николай...»

Когда после окончания русско-японской войны Корнилов будет назначен в Главное управление Генерального штаба, ему придется по долгу службы ознакомиться с рукописью будущей небольшой книги В.Ф. Ковицкого «Японцы о боях у Сандепу». Лавра Георгиевича в том разборе сил и тактических действий противоборствующих сторон больше всего поразило авторское заключение:

«Так закончилась эта операция, единственная в своем роде даже в ряду наших беспрерывных несчастий минувшей кампании, операция, представляющая собой яркое воплощение нашей робкой, схоластической стратегии, нашей бесталанности, нашей растерянности. Та развращающая боевая обстанов-

та, в которой уже 10 месяцев воспитывались наши войска при содействии губельной системы постоянных отступлений и неизменных запугиваний силой и искусством неприятеля, в Сандепу уже давала свои плоды и сильнее вражеских пуль и штыков разрушала нашу армию. Бои у Сандепу наглядно показали, как сильна была наша вооруженная сила в материальном отношении, но как слаба она была уже в то время духом, боевым воодушевлением, способностью к смелым наступательным действиям...

В каждом неприятельском отряде, каков бы он ни был, мы видели превосходные силы, каждый энергичный шаг противника быстро приводил нас к сознанию невозможности сопротивления. Если сопоставить наш способ действий в январской операции с японским, то получится любопытная картина: мы начали наступлением, а кончили обороной, японцы начали отчаянной обороной, едва державшейся против наших подавляющих сил, а кончили смелым наступлением.

Начав операцию с огромным количеством войск (2-я Маньчжурская армия к началу боев за Сандепу состояла из 123 батальонов пехоты, 92 эскадронов и сотен конницы и 436 артиллерийских орудий), мы с каждым днем, точно утомляясь, вводили в дело все меньшие и меньшие силы; неприятель же, имевший в первый день боев совершенно ничтожные силы, удесятирил их в течение 2—3 дней нашего вялого наступления.

Откуда у нас эта робость мысли, вялость воли, боязнь всего решительного, смелого, наступательного? Откуда эта подавленность воинского духа, эти разрушительные для военного дела пассивно-оборонительные идеи, что так крепко опутали деятельные силы нашего военного дела?

Опыт маньчжурской войны нестерпимо тяжел для нас не только в прошлом, но и в настоящем, и в будущем; и по мере того, как исторические исследования будут открывать перед нами завесу, скрывающую то действительное положение нашего противника, в котором он был в боевых столкновениях с нами, горечь наших поражений будет чувствоваться все глубже и все сильнее...»

Дело под Сандепу стало прологом последнего крупного сражения русско-японской войны (после Ляояна и Шахэ) — Мук-

денского. Именно тогда к Лавру Георгиевичу Корнилову пришла боевая слава. Он показал себя человеком решительным, не теряющим самообладания в критические минуты. Умеющим не только командовать тысячами людей,¹ но и заставить подчиненных верить в себя.

Маршал Ивао Ояма и его штаб начали готовить битву за Мукден еще в ходе январских боев в междуречье рек Хуньхэ и Шахэ. Уже тогда японские силы стали сосредоточиваться для охвата правого фланга армии противника на Мукденской позиции.

Три русские Маньчжурские армии (10 корпусов из 12) под общим командованием генерала А.Н. Куропаткина, вытянутые в одну линию до 100 километров, оказались слабыми и для наступления, и для обороны. Глубина оперативного построения составляла всего 15 километров. Резерв (16-й армейский корпус) был сосредоточен южнее Мукдена. Линейным оказалось и расположение артиллерийских батарей. Тяжелых батарей в первую линию обороны выделялось необоснованно мало, и они находились на таком удалении от переднего края японских позиций, что при стрельбе даже на предельной дальности не могли поражать вражескую артиллерию и разрушать прочные оборонительные сооружения японцев на передовой.

Такое построение лишало командование возможности быстрой перегруппировки войск. К тому времени главнокомандующего Куропаткина охватил страх перед вражеским обходом или охватом открытых флангов. Поэтому чем больше прибывало из России воинских подкреплений, тем длиннее становился русский фронт перед Мукденом.

К началу Мукденской операции русские войска имели подготовленную в инженерном отношении оборону, состоявшую из Шахэйской, Мукденской и Телинской позиций. Войска же к началу сражения занимали только первую из них — Шахэйскую. Она состояла из передовой и главной линий обороны. Их укрепления состояли из полевых редутов, люнетов и фортов, связанных между собой траншеями, защищенных с фронта проволочными заграждениями, засеками, волчьими ямами и тщательно замаскированными фугасами. Одной из особенностей оборонительной тактики Куропаткина являлось стремление к созданию сплошной укрепленной линии, которая бы все перекрывала.

Пять японских армий занимали по фронту около 120 км. Но в отличие от позиционного построения русских войск японцы имели на флангах сильные группировки, специально созданные для предстоящего наступления.

Постоянно «подталкиваемый на наступление» из столицы главнокомандующий Куропаткин решил повторить атаку неприятеля у Сандепу опять силами центральной 2-й Маньчжурской армии, которой теперь командовал генерал А.В. Каульбарс. Сводный Стрелковый корпус, в который входила 1-я Стрелковая бригада, расположился на линии населенных пунктов Чжаньчжуанцы, Чжаньтань и Чандиопа.

В случае полного успеха русской 2-й армии, в наступление переходили две соседние — 1-я и 3-я Маньчжурские армии. Общей задачей всем войскам ставилось отеснение, а не разгром, неприятеля за реку Тайцзыхэ. То есть штаб Куропаткина вновь не преследовал в войне решительных целей.

На второй день после получения штабом 2-й Маньчжурской армии куропаткинской диспозиции на наступление, то есть 11 февраля, генерал Каульбарс приказал объявить войскам свой приказ. Он был предельно краток:

«Завтра, 12 февраля, действовать согласно диспозиции № 6. Артиллерийскую подготовку начать на рассвете, в 6 ч. утра.

Царь и русский народ молятся за нас и надеются.

Постараемся, товарищи!

Да поможет нам Господь Бог!

*Командующий армиею генерал от кавалерии
барон Каульбарс».*

Куропаткинский штаб и на сей раз не принял во внимание европейскую выучку маршала Ивао Оямы. В свое время он, японский военный наблюдатель при королевской прусской армии, был свидетелем торжества полководческого искусства германского полководца Мольтке-старшего. Окружение немецкими армиями французов под Седаном стало классикой мирового военного искусства. Ивао Ояма решил «воспроизвести» Седан под маньчжурской столицей, городом Мукденом.

Японский главнокомандующий решил угрозой охвата левого фланга развернутого фронта русских силами новой 5-й армии заставить противника перебросить сюда свои резервы (здесь 3-тысячной армии генерала Кавамуры противостоял только 13-тысячный Цинхэченский отряд). А после этого ударом 3-й армии генерала Ноги по правому флангу русских охватить его. В случае полного успеха японского наступления армии Кавамуры и Ноги должны были соединиться в тылу противника.

Маршал Ивао Ояма провел хорошо продуманную маскировку маньчжурского Седана. Были распушены ложные слухи о движении опытной в осадных делах Порт-артурской армии генерал-полковника Маресукэ Ноги для осады крепости Владивосток. Такая информация быстро стала достоянием русской разведки через многочисленных платных информаторов из числа китайцев и пленных японцев.

При разборах операций русской-японской войны, которые, как командирская учеба, проводились в военных округах в послевоенные мирные дни, полковнику Корнилову пришлось ознакомиться с мнением многих мемуаристов — участников Мукденского сражения. Один из них, например, писал о демонстративном наступлении японцев против русской 1-й армии следующее:

«...Так как наступление это было вполне демонстративное, в чем нетрудно было убедиться как из того, что против 2-й армии, согласно полученному от самого Главнокомандующего уведомлению, были сосредоточены значительные силы неприятеля (100 тыс. человек...), так и в особенности из того, что вся Порт-артурская армия к этому времени уже успела сосредоточиться у Сяобейхе, т.е. за крайним левым флангом японской армии и, следовательно, против нашего правого фланга, то нельзя прийти к заключению, что демонстрация, предпринятая японским главнокомандующим против нашего левого фланга, блистательно ему удалась.

Наш же главнокомандующий, не разгадав этого маневра, был настолько обманут японцами, что поспешил значительно ослабить свой правый — действительно угрожаемый — фланг, послав все взятые оттуда войска на левый фланг; то есть как бы по заказу противника, сделал все, что

последнему было нужно для обеспечения успеха удара его на наш правый фланг, имевший для нас важное стратегическое значение, так как за ним проходил наш путь отступления...»

По указанию генерала А.Н. Куропаткина, Сводный Стрелковый корпус, в состав которого входила 1-я Стрелковая бригада, был послан на смену 8-го корпуса. Однако размытые дождями дороги (вода превратила гаоляновые поля в непроходимую грязь) не позволили перебросить полки на новый участок фронта, и волей судьбы основная часть сил Сводного корпуса не смогла в течение дня тронуться с места.

Свидетель последующих событий так описывал события на участке 8-го корпуса в первую же ночь после куропаткинского приказа о передислокации корпусов 2-й Маньчжурской армии:

«Доносившаяся к нам (в штаб армии. — А.Ш.) канонада была довольно вялая; мы заснули; но ночью была слышна адская пальба как из орудий, так и из ружей. Как оказалось на другой день, это происходило от того, что японцы в течение ночи произвели 7 отчаянных атак на деревню Бейтадзы и на Сводный Стрелковый корпус, причем с особой энергией они атаковали деревни Джантан и Чандиопу, но всюду были отбиты с огромным уроном, причем потеряли будто бы 2 орудия и 14 пулеметов, из которых нами увезено только 7. Кроме того, в плен взято около 400 японцев. Потери и у нас были весьма большие, в особенности в офицерах.

Это горячее ночное дело показывает, что предписанная диспозицией № 7 смена 8-го корпуса Сводным Стрелковым в течение ночи не могла быть произведена; чему можно было только радоваться, потому что в противном случае противнику пришлось бы иметь дело не с двумя корпусами, хорошо знакомыми со своими позициями, а только с одним Стрелковым корпусом, развернутым на участках двух корпусов и не успевшим еще ознакомиться со своими новыми позициями...»

Подполковник Лавр Корнилов принял в отражении тех массированных и отчаянных атак японской пехоты самое деятельное участие. Ему пришлось в ту ночь с резервными батальонами стрелков своей бригады приходить на помощь там, где

японцы были уже готовы прорвать позицию противника. Командующий 2-й Маньчжурской армии генерал Каульбарс отмечает, что только ввод в бой резервов Сводного Стрелкового корпуса позволил сбить атакующий пыл японцев у деревень Джантан и Чандиопу.

После успешного ночного боя Русский фронт опять тронулся, но не вперед, а назад. 1-я и 2-я Стрелковые бригады Сводного корпуса утром следующего дня были вынуждены оставить свои далеко выдвинутые вперед позиции. Они отошли на линии деревень Гудзянцы — Чжоугуаньпу. Но поскольку 8-й корпус был связан идущим боем, то он не успел выполнить приказ главнокомандующего Куропаткина и остался на прежней позиции. В итоге 1-я и 2-я Стрелковые бригады оказались у него в тылу, как бы во второй линии, сумев дойти только до деревень Таутайцзы и Матурань. В довершение ко всему, одна из бригад Сводного корпуса — 5-я ночью сбилась с дороги и неожиданно для себя оказалась у деревни Сотхайцзы на правом армейском фланге.

После того как угроза охвата японцами фланга линии фронта стала реальной, Куропаткин приказал отступить к Мукдену на заранее подготовленные перед городом позиции. Походные колонны составлялись наспех, без четкого определения маршрутов и времени движения. В итоге масса войска оказалась слабо управляемой. Так было, например, в колонне, которой командовал генерал-майор И.Р. Довбор-Мусницкий (в годы Первой мировой войны командовавший Польским корпусом русской армии, а в 1918—1919 годах бывший главнокомандующим армией Польши).

Каульбарс, не на шутку встревоженный потерей управления походными колоннами, послал двух генералов армейского штаба на поиски двух пехотных полков Довбор-Мусницкого — Зарайского и Болховского. Один из посланных так описывает увиденное:

«...Впереди нас, не далее как в полуверсте не доходя до деревни Тинтянтунь, оставалась неподвижно на месте и даже лежала какая-то колонна, мы решили прежде узнать, что это за колонна и отчего она не движется вперед. Подъехав к лежавшей на дороге колонне, нам пришлось иметь приблизительно такой разговор с нижними чинами:

- Какой это полк?
- Зарайский, ваше превосходительство.
- А впереди вас какой полк?
- Не можем знать.
- Кто начальник колонны?
- Не можем знать,
- Чего же вы тут лежите?
- Не можем знать.
- Где ваш полковой командир?
- Не можем знать, куда-то уехали.
- А где же старший штаб-офицер?
- Не можем знать.

Получая на все вопросы такие ответы, мы решились было ехать вдоль колонны, чтобы вызвать хотя какого-либо офицера и от него узнать что либо более определенное, но в это время мы заметили скакавшего к нам со стороны деревни Тинтятунь генерала Довбора-Мусницкого. Последний, узнав меня и моего спутника..., начал горячо жаловаться на то, что он, зная, что правее его должна идти колонна генер. Де-Витта, не мог ее дождаться, а потому и сам не мог двигаться вперед, — теперь же вдруг узнает, что колонна эта находится в хвосте его колонны и лежит неподвижно на месте...»

Начавшаяся неразбериха в движении походных колонн не только 2-й Маньчжурской армии, но и соседних, привела к дезорганизации многих воинских частей, прежде всего пехотных. Генерал П.К. Баженов, автор мемуаров «Сандепу — Мукден. Воспоминания очевидца — участника войны», так описывает отступление к Мукдену:

«...Меня поразило множество отдельных солдат, бредущих между грядками убранного гаолянового поля тоже в направлении к Мукдену в громадном большинстве без ружей. Подъезжая ко многим из них для опроса, почему они не в строю, я обыкновенно получал такие ответы: «болен», «устал», «ранен», — причем в доказательство справедливости своих слов мне указывали на маленькую дырочку в шинели, похожую скорее на разрез, или небольшой прокол чем либо острым и т.п. Некоторые же валявшиеся в поле люди уверяли меня, что они относили раненых и на обратном пути отдыхают.

Судя по тону этих ответов и по наружному виду отвечавших, нельзя было не сомневаться в том, что все эти объяснения выдуманы и что вышли эти люди из строя вследствие упадка духа в войсках и начавшейся их деморализации. Я пробовал было гнать этих людей в строй, сопровождавшему меня казаку пришлось с этой целью пускать в ход свою нагайку; но и это оказалось бесполезным, так как не мог же я каждого из этих людей сопровождать в его часть, а собрать их для этого в команду не было никакой возможности: для исполнения такой работы вместо одного казака, находившегося при мне, нужно было иметь, по крайней мере, целую сотню с офицерами».

Подполковник Корнилов все эти дни Мукденского отступления провел в голове походной колонны 1-й Стрелковой бригады. Нижние чины чаще видели его не верхом на низенькой степной лошади, которую Лавр Георгиевич приобрел у казаков-бурятов из Забайкальского войска, а пешком, торопливо идущим вдоль походной колонны какого-либо полка бригады. Он не столько командовал в те дни, как старший офицер штаба, сколько старался ободрить вконец измотанных отступлением людей.

Корнилову повезло в ходе Мукденского сражения в следующем. Стрелковая бригада оказалась среди тех сил 2-й Маньчжурской армии, которая прикрывала отход и действовала как корпусной арьергард. Подполковнику не раз приходилось останавливать то один, то другой хвостовые батальоны походной колонны и отражать атаки наседавших японцев, которые, преследуя русских, не стремились навязать им ожесточенный ближний бой. Дело почти всегда ограничивалось жаркой ружейной перестрелкой. Когда корниловские стрелки начинали грозить врагу ударом в штыки, тот на час-другой прекращал неотступное преследование. Потом все повторялось вновь.

В те дни Корнилов был свидетелем полного развала в ходе отступления. Такие безрадостные картины он, уже будучи генералом, увидит не раз во время Первой мировой войны, исключая разве что 1914 год. Вот как описывает увиденное тот же генерал П.Н. Баженов:

«При выходе из Мукдена на Мандаринскую дорогу, мы сразу натолкнулись на такой хвост и такой вопиющий беспорядок,

который далеко превосходил самые мрачные представления мои о беспорядочном отступлении. Со всех улиц Мукдена и вообще со всех сторон повозки, пушки, команды, или, вернее, толпы людей — спешили на Мандаринскую дорогу, и у самого выхода ее из города образовалась какая-то беспорядочная масса, которая сама по себе не давала возможности двигаться. Тут были и понтоны, которые, неизвестно по какой надобности, держались до последнего времени в Мукдене, и санитарные транспорты, и повозки артиллерийских парков, и патронные двуколки, одним словом — повозки обоза всех трех разрядов, артиллерийские орудия и толпа будто бы искавших свои части людей...

На беду недалеко от выхода из города дорога имела вид врезанного в довольно высокую гору дефиле; тут образовалась пробка, явно свидетельствующая о том, что весь этот беспорядок произошел вследствие крайней нераспорядительности начальства и полного безначалия в обозе...

...Попалась нам и целая рота Борисоглебского полка, люди которой шли между повозками хотя и в полном беспорядке, но все-таки несколько сплоченно; из разговора с солдатами я мог узнать, что они составляют роту и что с ними идет ротный командир... Это был молодой офицер, поручик... После того как он к нам подошел, между мною и им произошел следующий разговор:

— Что делаете вы в обозе со своей ротой?

На это он мне довольно развязно ответил:

— Отступаю.

— Да почему же вы не находитесь в полку?

— Я не знаю, где мой полк.

— Кто же вам приказал отступать?

— Я увидел, что все отступают, а потому и начал отступать.

Эти ответы и безначалие, царившие в обозе, дают понятие о том, в какой мере в описываемое нами время беспорядок, доходивший до паники, охватил уже всю армию. Продолжая ехать далее и сокрушаясь при виде того разгрома, в котором находилась толпа разнообразных повозок и людей, двигавшихся по Мандаринской дороге, — я с невыразимой грустью размышлял о том, что этим разгромом мы обязаны вовсе не японцам, атаки которых всегда с огромными для них потерями были

отбиваемы нашими доблестными войсками; разгром этот произошел только вследствие чрезвычайной нераспорядительности начальства всех степеней и крайней бестолочи всех распоряжений: наша армия, — как я тогда рассуждал, — не была вовсе кем либо побеждена или разбита, она разбилась о собственную бестолочь. Чем дальше я ехал, тем справедливость этого рассуждения становилась неоспоримее».

В Мукденском деле Лавр Георгиевич Корнилов оказался в положении фактического начальника штаба 1-й Стрелковой бригады. Во время общего отступления русских войск волей судьбы, а не сколько по приказу командующего 2-й Маньчжурской армии генерала Каульбарса она оказалась в прикрытии главных армейских сил, отходивших в большом беспорядке от Мукдена на север.

Позднее о генерале Корнилове скажут: «Начальственная слава к нему пришла не в карпатских Бескидах, а в проигранном под Мукденом деле с японцами...» Это было действительно так. Одно удачное боевое дело давало человеку боевую характеристику на всю оставшуюся действительную армейскую службу.

Февральские бои под Мукденом запомнились ее участникам многим. Для Корнилова это были арьергардные схватки с наседавшими то с двух, а то и с трех сторон японцами, которые видели в обескровленной бригаде русских стрелков свою «законную» добычу. Не случайно маршал Ивао Ояма, получив очередную оперативную информацию с передовой, потребовал от своих генералов окружить и уничтожить (или пленить) хотя бы одно соединение (а не полк или батальон) противника.

Так уж случилось, что 1-я Стрелковая бригада, скованная ближним боем, оказалась окруженной со всех сторон в китайской деревне Вазые Корнилов с высоты башенки кумирни смог даже без помощи цейссовского бинокля убедиться, что три полка бригады — 1-й, 2-й и 3-й Стрелковые — оказались в полном вражеском окружении. Было хорошо видно, как батальоны неприятельской пехоты обтекали деревню по полям, стремясь как можно плотнее перекрыть русским единственную дорогу на север, размытую прошедшими дождями, всю в рытвинах от многих тысяч колес обозных по-

возок и артиллерийских упряжек, конских копыт и солдатских сапог.

В деревне Вазые бригадного командира не оказалось. В неразберихе арьергардного боя он с офицерами бригадного управления оказался вне кольца окружения. Корнилов взял командование на себя при молчаливом согласии полковых командиров, которые в звании были на одну ступень выше его. То есть они признали за ним главенство человека, способного на волевым, решительный поступок в создавшейся критической ситуации.

Корнилов приказал готовиться к прорыву вражеского кольца. Дело осложнялось тем, что в окружении оказались не только три полка стрелков, но и другие части Сводного корпуса: остатки растерявших многие свои роты полков, отдельные батальоны и батареи, какие-то приبلудшие к бригаде воинские команды, отставшие тылы, санитарные повозки с ранеными. Корнилову удалось собрать все эти наличные силы в единый кулак и начать прорыв из китайской деревни в северном направлении.

Корнилов лично повел на прорыв ударную силу окруженцев — три стрелковых полка родной бригады. Атака началась без привычной артиллерийской поддержки: несколько тысяч бойцов ринулись в штыковую атаку, чтобы прорваться к своим. Или погибнуть в грязи гаолянового поля под безвестной для них, не отмеченной на карте, китайской деревней на вершине пологого холма, на котором теснились глинобитные фанзы и стояло несколько деревьев.

Японцы не выдержали яростной штыковой атаки русских стрелков, которая велась не сколько под возгласы «ура», сколько под бранные слова и какие-то бессвязные крики идущих на смерть людей. Заслон из нескольких батальонов вражеской пехоты был смят и опрокинут. Кольцо окружения оказалось разорванным чуть ли не на тысячу шагов. В прорыв устремились те воинские части, которые находились в деревне. Стрелки Корнилова держали под ружейным обстрелом фланги проделанной брешы до тех пор, пока последние сотни русских солдат не вырвались из западни под названием «деревня Вазые».

Подполковник Лавр Корнилов все время боя провел в этой брешы. Он отдавал приказы батальонам и ротам, чтобы они

удерживались на отбитом месте. Поднимал стрелков в контратаки, чтобы отбросить японскую пехоту назад хотя бы еще на сотню-другую шагов. Срывал голос, требуя от приبلудших к бригаде войск как можно скорее проходить через брешь во вражеском кольце.

Та атака на прорыв в ночь на 25 февраля удалась. Окруженцы не только вырвались из вражеского кольца, но и вынесли с собой все знамена и раненых, вывезли всю бригадную артиллерию и пулеметы, расстрелявшие последние снаряды и пулеметные ленты. То есть боевых трофеев японцам не досталось, если не считать несколько сломавшихся и потому брошенных обозных повозок, из которых успели выпрячь лошадей.

О том, сколь мужественно сражались русские солдаты под Мукденом, свидетельствует запись в «ротной памятке» одного из стрелковых полков, сделанная фельдфебелем Цырковым:

«Артиллерийский огонь все усиливается... Шимозы и шрапнели буквально засыпали нас. Держаться в цепи было невозможно, и я послал (ротный командир был убит) об этом донесение подполковнику Кременецкому, но в ответ была получена записка с кратким содержанием: «Держаться во что бы то ни стало».

С этого момента мы твердо решили умереть на месте. С этой мыслью люди забывали об опасности: они становились (для стрельбы. — А.Ш.) «с колена» и «стоя» и мстили за своих убитых и раненых товарищей. В это время мы были уверены, что японцы никогда не выбьют нас из занимаемого места, и не выбили бы, если бы не это противное отступление...»

Японцы сделали не одну попытку отрезать русских, выскользнувших из казалось бы с таким искусством устроенного им кольца окружения. Но усилия преследователей оказались тщетны. На следующий день 1-я Стрелковая бригада догнала походные колонны 2-й Маньчжурской армии и вновь составила ее арьергард до прихода на Сыпингайские позиции.

За этот большой командирский подвиг в неудачном для русского оружия Мукденском сражении — последней большой баталии русско-японской войны. Лавр Георгиевич удостоил-

ся редкой для той войны боевой офицерской награды — императорского военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени. Награждение состоялось 8 сентября 1905 года.

О георгиевской награде, почетнейшей в русской армии для любого генерал-фельдмаршала или рядового солдата, казака, матроса или ополченца, можно было только мечтать. Орден Святого Георгия, учрежденный императрицей Екатериной I в 1769 году, имел орденский статут. В нем говорилось, что эта боевая награда дается только за исключительные личные подвиги на поле брани и в море. Императрица, вошедшая в историю государства Российского как непревзойденная его воительница, писала в высочайшем указе:

«Как Российской империи слава наипаче распространилась и возвысилась верностию и храбростию, и благоразумным поведением воинскаго чина, то из особой Нашей Императорской милости к служащим в войсках Наших, в отмену и награждение им за оказанную от них во многих случаях Нам и предкам Нашим ревность и службу, также и для поощрения их в воинском искусстве, восхотели Мы учредить новый воинский орден и снабдить оный всеми теми преимуществами, которые поспешествовать будут сему Нашему предприятію».

...В том же, 1905 году Лавр Георгиевич Корнилов, георгиевский кавалер из 1-й Стрелковой бригады, за боевые заслуги был произведен в полковники.

Второй орденской наградой для пехотного офицера на русско-японской войне стал орден Святого Станислава 2-й степени с мечами.

Третью награду за войну на полях Маньчжурии по высочайшему приказу полковник Корнилов получит в... 1907 году. Ею станет почетное Георгиевское золотое оружие: офицерская сабля с клинком из знаменитой златоустовской стали с надписью «За храбрость» и темляком приметных для глаза георгиевских оранжево-черных цветов. Теперь офицера можно было называть дважды кавалером Святого Георгия.

Несколько раньше Золотого оружия, в самом начале 1906 года, Корнилов получит медаль «В память русско-японской вой-

ны». Для участников военных действий в Маньчжурии она изготовлялась из светлой бронзы, для защитников крепость Порт-Артур — из серебра, для лиц, не участвовавших в боевых действиях, но состоявших на воинской службе на театре войны и железнодорожников, — из темной бронзы.

На лицевой стороне медали помещались дата «1904—1905» и изображение всевидящего ока. На обороте шла надпись — «Да вознесет нас Господь в свое время». Раненым и контуженым памятная медаль выдавалась на ленте с бантом.

Война с Японией была проиграна. Будущий верный сподвижник Корнилова по Белому движению Антон Иванович Деникин, участник той войны, в своих мемуарах напишет, в частности, и о проигранной Мукденской операции. Причину очередного поражения русской армии он видел прежде всего в высшем генералитете и его откровенном непрофессионализме:

«Я не закрываю глаза на недочеты нашей тогдашней армии, в особенности на недостаточную подготовку командного состава и войск. Но, переживая в памяти эти страдные дни, я остаюсь в глубоком убеждении, что ни в организации, ни в обучении и воспитании наших войск, ни тем более в вооружении и снаряжении их не было таких глубоких органических изъянов, которыми можно было бы объяснить беспримерную в русской армии мукденскую катастрофу. Никогда еще судьба сражения не зависела в такой фатальной степени от причин не общих, органических, а частных. Я убежден, что стоило лишь заменить заранее нескольких лиц, стоявших на различных ступенях командной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может даже губительный для зарвавшегося противника».

С русско-японской войны 35-летний полковник Л.Г. Корнилов вернулся целым и невредимым, со служебной характеристикой боевого офицера-армейца, с хорошими перспективами дальнейшего служебного роста. Полученный чин полковника давал сыну простого сибирского казака права потомственного дворянства. В императорской России дворянами могли стать люди действительно «низкого» звания, но для этого требовалось поистине высокое служение Отечеству. Причем только личное.

Глава 4

АГЕНТ В КИТАЕ. ЗААМУРСКИЙ КОРПУС ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ

После заключения Портсмутского мира между Россией и Японией русские войска из Маньчжурии возвратились в Россию. Глава российского правительства граф С.Ю. Витте после переговоров воевавших сторон в Соединенных Штатах назвал заключенный мир «благоприятным». Но никакие «приличные» условия мира не могли скрыть тяжесть и унижительность военного поражения Российской империи в столкновении с Японией. Таких поражений было три: сдача крепости Порт-Артур, сражение под Мукденом и Цусима. А ведь были еще и материальные потери.

Как заключительный аккорд русско-японской войны прозвучал высочайший манифест императора Николая II о заключении мира в американском городе Портсмуте. Манифест, обнародованный в Санкт-Петербурге в октябре 1905 года, отличался немногословием. Он гласил:

«В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелые испытания и бедствия кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззаветной преданности наших славных войск в их упорной борьбе с отважным и сильным противником. Ныне эта столь тяжкая для всех борьба прекращена и, Восток Державы Нашей снова обращается к мирному преуспеваю в добром соседстве с отныне вновь дружественной Нам Империи Японскою.

Возвещая любезным подданным Нашим о восстановлении мира, мы уверены, что они соединят молитвы свои с Нашими и с непоколебимою верою в помощь Всевышнего призовут благословение Божие на предстоящие Нам, совместно с из-

бранными от населения людьми, обширные труды, направленные к утверждению и совершенствованию внутреннего благоустройства России...»

В первый день мая 1906 года полковник Л.Г. Корнилов назначается делопроизводителем Главного управления (управления генерал-квартирмейстера) Генерального штаба. Служба в Санкт-Петербурге, близость к привилегированной Гвардии, в какой-то мере даже к императорскому двору, элите военной науки открывали перед георгиевским кавалером перспективы хорошей карьеры. Способности генштабиста у полковника Корнилова были замечены тогда многими.

Служба в столице, однако, продолжалась совсем недолго, всего одиннадцать месяцев. В Военном ведомстве России не забыли о способностях Лавра Георгиевича как разведчикатуркестанца, равно как и о его пристрастии к Востоку. По свидетельству людей, хорошо знавших Корнилова, он свободно владел к тому времени английским, французским, немецким, китайским, персидским, туркменским, казахским и киргизским языками. И мог изъясняться еще на ряде языков Туркестана.

Только на этот раз профессионального военного разведчика с его блестящей «маньчжурской биографией» не ждал такой хорошо знакомый ему Туркестанский край. В апреле 1907 года Лавр Георгиевич назначается военным агентом (военным атташе) России в Китае. Он убывает на новое место службы, в столичный город Пекин (Бейпин).

Военно-дипломатическая служба в Китае продолжалась для полковника Корнилова долгих четыре года. В то время такие мировые державы, как Британия, Франция, Германия, Япония и, наконец, США, вели деятельную борьбу за «контроль» над этой страной.

У России здесь были свои немалые интересы, поскольку русско-китайская граница имела огромную протяженность. Через оставленную русскими войсками Маньчжурию из Забайкалья в Приморье, к Владивостоку, тянулась линия Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). То есть Китай интересовал Россию в политическом, экономическом и военном отношениях. И та, и другая страна были кровно заинтересованы в добрососедских связях.

Полковник Корнилов добивается у пекинских властей разрешения посетить пограничные с Россией области, беспрепятственно посещая важные для военного агента провинциальные города, узлы сухопутных и речных путей, «по ходу дела» знакомясь с местными крепостными укреплениями и коммуникациями. Чтобы лучше вести дела, российский военный агент самым серьезным образом изучает историю страны пребывания, традиции как китайского народа, так и других малых народов этого крупнейшего по народонаселению государства не только Азиатского континента, но и всего мира.

Свою роль в составе посольства России в Пекине полковник Корнилов выполнял успешно. Исполняя обязанности стратегического разведчика, Лавр Георгиевич настойчиво собирал всевозможную разведывательную информацию, которой интересовались в Генеральном штабе и Министерстве иностранных дел.

Следует заметить, что деятельность военного агента России в Китае была отмечена в Санкт-Петербурге скоро и по достоинству. Его донесения внимательно изучались и в отделах Генерального штаба, и в Министерстве иностранных дел. Военный атташе Корнилов был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

Однако Георгиевский кавалер, герой минувшей русско-японской войны так и не вписался в дипломатический мир. Он оказался слишком самостоятельным. Отношения между российским полномочным послом в Китае Гирсом, человеком больших связей, высокого мнения о себе и с огромным дипломатическим опытом, и полковником Корниловым портились с каждым годом у всех на глазах. Рано или поздно их взаимоотношения должны были «разорваться», естественно, в пользу посла Гирса, столь ценимого в Зимнем дворце.

Научившийся хорошо разбираться в тонкостях человеческих взаимоотношений на Востоке, полковник Корнилов завел в Пекине немало полезных знакомств. С большим доверием к нему относился молодой армейский офицер Чан Кайши, будущий генералиссимус и президент Китайской Республики и Тайваня.

В те годы Чан Кайши считался на родине «человеком Японии». Это не было случайностью. В шестнадцатилетнем воз-

расте он порвал с традиционным семейным занятием фермерством и мелким бизнесом ради военной карьеры, покинув родительский дом в Цикоу, в провинции Чжецзян. После нескольких лет обучения в школах уезда Фынхуа, где он познакомился с основами традиционной китайской философии, Чан уехал на Японские острова.

Но там выяснилось, что в военную академию императорской Японии он, иностранец-китаец, может быть принят только по рекомендации военного министерства правительства Китая. Чан Кайши, однако, не стал торопиться с возвращением на родину. В 1906 году ему все же удалось поступить на краткосрочные курсы при Бяотянской военной академии. Там он прекрасно зарекомендовал себя и был оставлен на учебу и на следующий год. В 1910 году китаец прошел стажировку в рядах японской армии, в 19-м полку полевой артиллерии.

Годы службы полковника Корнилова военным агентом совпали с началом военной и политической деятельности Чан Кайши. Думается, что в российском военном агенте будущий глава гоминьдановского Китая увидел человека, достойно представлявшего соседнюю державу. Известно, что во время пребывания на президентском посту Чан Кайши стремился строить с правопреемником Российской империи — Советским Союзом — добрососедские и взаимовыгодные межгосударственные отношения.

Успехи российского военного атташе в китайской столице были несомненны. К нему пристально присматривались его «коллеги» из других посольств, стараясь «приручить» подающего большие надежды русского разведчика. Тем более что в дипломатическом мире Корнилов был уже известен своими туркестанскими «делами» в Персии, Афганистане, в индийском Белуджистане и в китайском Кашгаре.

О профессиональном внимании к нему свидетельствует то, что российский военный агент в Китае за четыре года своего пребывания в Пекине получил больше орденов, чем за русско-японскую войну. Свои ордена ему пожаловали правительства Великобритании, Франции, Германии и даже... Японии.

Когда отношения военного агента с российским послом Гирсом окончательно испортились, полковник Корнилов был

отозван из Пекина в Санкт-Петербург. Каких-либо претензий официально к нему на берегах Невы никто не высказывал. На беседе в Генеральном штабе ему было сказано, что свою карьеру ему предстоит теперь вновь продолжить в рядах русской армии в должности строевого командира.

24 февраля 1911 года полковник Корнилов назначается командиром 8-го пехотного Эстляндского полка, расквартированного в приграничном Варшавском военном округе, близ польской столицы. Однако, едва приняв должность полкового командира, Корнилов в начале июня того же года получает новое назначение. Он вновь направляется в Китай, в знакомую ему Маньчжурию.

Корнилов становится командиром 2-го отряда Заамурского округа (корпуса) пограничной стражи, на который, по договоренности между правительствами России и Китая, возлагалось все бремя охраны КВЖД в полосе ее прохождения. Заамурские пограничные стражники в своей массе были добровольцами — выходцами из всех одиннадцати казачьих войск России, из армейских рядов, из военнослужащих запаса.

2-й корпусной отряд (равный по силе пехотной дивизии в штатах мирного времени) состоял из пяти полков: 3-го и 4-го пограничных Заамурских пехотных и трех пограничных Заамурских конных: 1-го, 2-го и 5-го. Штаб отряда располагался в официальной столице Китайской Восточной железной дороги городе Харбине, который считался самым «русским» в Маньчжурии после Порт-Артура, который теперь находился в японской аренде. В Харбине размещались один пехотный и два конных полка пограничной стражи. 2-й пехотный полк замурцев размещался в Лаошачоу, а 5-й конный — в Куаньченцзы.

Отряд Корнилова имел собственную артиллерию. В городе Харбине квартировала 1-я Заамурская пограничная конно-горная батарея. Приходилось ему взаимодействовать в силу своей должности и со 2-м Заамурским пограничным железнодорожным полком, который находился в столице КВЖД.

В годы Первой мировой войны Заамурский пограничный округ почти в полном составе был отправлен на Восточный фронт. Пехотные полки корниловского отряда образуют 2-ю бригаду

1-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. 1-й и 2-й конные полки волеются в состав Сводной кавалерийской дивизии. Ее первую бригаду первоначально составят лейб-гвардии Уланский Его Величества и лейб-гвардии Гродненский гусарский полки. В 1916 году их сменят 19-й драгунский Архангелогородский и 16-й гусарский Иркутский 5-й конный полк 2-го отряда войдет в состав Заамурской конной дивизии.

Надо сразу сказать, что пограничные стражники из Заамурского округа на Русском фронте Первой мировой войны сражались доблестно и отважно. Сказывалась их высокая боевая выучка. На Юго-Западном фронте генерал Корнилов встретит немало своих бывших сослуживцев и подчиненных ..

Всего через полгода командования отрядом пограничной стражи Лавр Георгиевич Корнилов производится в генерал-майоры. Высочайший приказ о его генеральстве состоялся 26 декабря 1911 года. Можно оговориться, что к тому времени он был уже известен императору Николаю II, который относился к кандидатам в русский генералитет достаточно пристрастно.

Охрана Китайской Восточной железной дороги, которая связывала по сухопутью Приморский край с «остальной Россией», была нелегким делом. Потенциальными и достаточно многочисленными вооруженными противниками пограничных стражников являлись китайские разбойники-хунхузы и контрабандисты, японские шпионы. Больше всего забот доставляли хунхузы, грабившие в Маньчжурии местное сельское население.

Хунхузы были опасными противниками, покушавшимися на имущество КВЖД и жизнь ее работников. Корнилов познакомился с этими китайскими разбойниками еще во время русско-японской войны. Тогда разведка японцев не только рекрутировала из маньчжурских грабителей свою шпионскую агентуру, но и нанимало целые их отряды для действий в тылу русских войск. Прежде всего их использовали для нападений на обозы с провиантом, фуражом и боеприпасами. Хунхузов рекрутировали из бывших солдат армий местных провинциальных губернаторов, из деклассированных элементов и просто уголовных преступников.

Генерал-майор Л.Г. Корнилов в зоне ответственности своего отряда действовал решительно, обеспечивая безопасность движения по КВЖД и безопасность жителей придорожных поселений, не только русских, но и китайских. Шайки хунхузов, появившиеся вблизи железной дороги, неизменно преследовались и в столкновениях с пограничными стражниками несли серьезные потери в людях. Пленных разбойников замурцы передавали местным китайским властям. У чиновников-мандаринов с хунхузами судебный разговор обычно был короток: смертная казнь через отсечение мечом головы. В китайские тюрьмы бандиты, попавшиеся с оружием в руках, попадали не часто.

Лавру Георгиевичу пришлось бороться не только с разбойниками-хунхузами, безграмотными контрабандистами, которые старались проникнуть в таежные районы России с целью обмена спирта и шелковых тканей (шелковое белье лучше всего защищало старателей от вшей и иных паразитов) на золото, и вездесущих на Дальнем Востоке японских шпионов-профессионалов. Едва ли не самыми серьезными противниками для генерала пограничной стражи стали .. свои же чиновники тылового ведомства.

По приказанию командующего Заамурским пограничным округом генерала Е.И. Мартынова отрядный начальник произвел пристрастное дознание о снабжении войск пограничной стражи, расположенных в Маньчжурии. Помимо КВЖД, стражники охраняли и промышленные предприятия на китайской территории, принадлежавшие российским предпринимателям и правительству России, административные здания, банки, почтовые перевозки.

Проведенное дознание без особого труда установило многочисленные факты снабжения русской пограничной стражи недоброкачественными продуктами питания, взяточничества и порчи провианта из-за служебной халатности. Были установлены имена конкретных виновников, среди которых оказались высокопоставленные тыловые чиновники.

Дело было передано военному следствию, поскольку вскрытые факты поражали масштабностью хищений. По постановлению прокурорского надзора в качестве обвиняемых к начавшемуся следствию привлекались заместитель командующе-

го Заамурского пограничного округа генерал-лейтенант Савицкий, многие должностные лица окружного хозяйственного управления. Назревал скандал, отзвуки которого могли отозваться и в столице.

Тогдашний начальник Отдельного корпуса пограничной стражи В.Н. Коковцев (он же и влиятельнейший министр финансов), пытаясь прикрыть вопиющие злоупотребления своих ближайших помощников, выхлопотал в феврале 1913 года высочайшее повеление о прекращении следственного производства. Когда следствие по делу о хищениях было прекращено, командующий Заамурским пограничным округом генерал-лейтенант Е.И. Мартынов, известный своей порядочностью и честностью, подал в отставку. К немалому удивлению российской общественности и русского офицерства, император принял эту отставку. Хотя, вне всякого сомнения, он был осведомлен о следственном деле.

Тогда Мартынов, теперь уже отставной генерал, по собственной инициативе опубликовал в печати некоторые материалы «харбинского» дела. Читатели получили возможность на газетных страницах познакомиться со многими, так называемыми «жареными» фактами и именами конкретных злоумышленников. За это Е.И. Мартынов и поплатился: он был предан суду.

С генерал-майором Л.Г. Корниловым в той ситуации столичные власти поступили иначе. Его вернули из пограничной службы в Военное ведомство. Но рапорт о переводе его в армейские ряды он написал сам. В финансовом ведомстве (Отдельный корпус пограничной стражи в мирное время подчинялся ему) Коковцева «неуживчивого» генерала не задержали, зная характер «неудобного» отрядного командира из далекой к Санкт-Петербургу Маньчжурии. Думается, что Лавр Георгиевич был рад такому исходу для него «харбинского» следственного дела. Новое назначение оставляло его на Дальнем Востоке.

В июле 1913 года генерал-майор Корнилов принял под свое командование 1-ю бригаду 9-й Сибирской стрелковой дивизии. В ее состав входили 33-й и 34-й Сибирские стрелковые полки из числа «молодых» в рядах русской армии. Первый полк был сформирован в 1903 году, второй — в 1905-м. Дивизон-

ный штаб размещался в портовом городе Владивостоке. Корниловская же бригада размещалась на острове Русский, укрепления которого входили в состав Владивостокской морской крепости. Сибирские стрелки предназначались для пехотного прикрытия фортов и артиллерийских батарей, отражения возможных неприятельских десантов на остров, закрывавший собой вход во внутреннюю гавань Владивостока, — бухту Золотой Рог.

Однако служба на берегах Тихого океана оказалась непродолжительной. Ее прервала Первая мировая война.

К началу войны Лавр Георгиевич прослужил на Востоке без малого двадцать лет. То есть большую часть сознательной жизни. Он оставил светлую память о себе в Туркестане и Китае, Маньчжурии и Приморском крае.

Первая мировая война вошла в историческую память России двумя высочайшими манифестами. В первом из них, от 20 июля 1914 года, говорилось об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией:

«Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным Нашим подданным:

Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но, дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружественных сношений союзная Австрии Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство

и не внемля заверению Нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стала домогаться их отмены и, встретив отказ в этом требовании, внезапно объявила России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди Великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные.

В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту Нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска Наши Божие благословение.

Дан в Санкт-Петербурге, в двадцатый день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: «НИКОЛАЙ».

Вторым высочайшим манифестом от 26 июля 1914 года объявлялась война России с Германией. В нем за подписью императора говорилось следующее:

«...Объявляем всем Нашим верным подданным:

Немного дней тому назад Манифестом Нашим оповестили мы русский народ о войне, объявленной Нам Германией.

Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабой Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенною силою растет навстречу им справедливый гнев мирных народов и с несокрушимою твердостью встает перед

врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов мы не одни: вместе с Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благославит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с жезлом в руках, с крестом в сердце...»

Эти два высочайших Манифеста всколыхнули всю Россию. Согласно мобилизационному плану, он покидает фортпост Владивостокской крепости остров Русский и отправляется на войну, которая уже начиналась на западных рубежах Российской империи.

Спустя некоторое время, воинские эшелоны доставят туда и корниловских сибирских стрелков, составлявших гарнизон острова Русский. Только командовать ими Лавру Георгиевичу придется только тогда, когда он встанет во главе фронта, а потом примет должность Верховного главнокомандующего России. Но уже не старой, царской.

О настроениях в российском обществе в связи с началом войны говорят и спорят по наши дни. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко в своих воспоминаниях он писал:

«Вернувшись в Петроград перед самым объявлением войны, я был поражен переменою настроения жителей столицы. «Кто эти люди? — спрашивал я себя с недоумением, — которые толпами ходят по улицам с национальными флагами, распевая народный гимн и делая патриотические демонстрации перед домом Сербского посольства». Я ходил по улице, вмешивался в толпу, разговаривал с нею и, к удивлению, узнавал, что это рабочие, те самые рабочие, которые несколько лет тому назад ломали телеграфные столбы, переворачивали трамваи и строили баррикады.

На вопрос мой, чем объясняется перемена настроения, я получил ответ: «Вчера было семейное дело; мы горячо рато-

вали о своих правах, для нас реформы, проектируемые в законодательных учреждениях, проходили слишком медленно, и мы решили сами добиться своего. Но теперь, сегодня, дело касается всей России. Мы придем к Царю, как нашему знамени, и мы пойдем за ним во имя победы над немцами».

Аграрные и всякие волнения в деревне сразу утихли в эти тревожные дни, и как велик был подъем национального чувства, красноречиво свидетельствуют цифры: к мобилизации явилось 96 процентов всех призывных, явилось без отказу и воевали впоследствии на славу.

В самой Государственной думе в заседании 26 июля (8 августа нового стиля) все партийные перегородки пали, все, без исключения, члены Государственной думы признали необходимость войны до победного конца во имя чести и достоинства дорогого Отечества и дружно объединились между собой в этом сознании и решили всемерно поддерживать Правительство.

Без различия национальностей все поняли, что война эта народная, что она должна быть таковой до конца и что поражение невыносимого германского милитаризма является безусловно необходимым...»